

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

На правах рукописи

АНДРИПОЛЬСКАЯ Анна Сергеевна

Формирование общественных ценностных представлений в медиатекстах

**Профиль магистратуры – «Профессиональная речевая коммуникация
в массмедиа»**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор кафедры медиалингвистики
Н. С. Цветова

Вх. № _____ от _____
Секретарь _____

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Репрезентация ценностных представлений как научная проблема.....	11
1.1. Понятие ценности: теоретико-исторический аспект.....	11
1.2. Типология ценностей в свете аксиологии.....	18
1.3.Оценочность как ключевая категория учения о ценностях.....	23
Глава 2. Репрезентация ценностных представлений в речевой структуре литературно-критической статьи.....	32
2.1.Жанровые особенности литературно-критической статьи.....	32
2.2. Принципы отбора объектов рецензирования и аксиологическое содержание статьи.....	43
2.3. Номинация как ключевое средство репрезентации ценностных представлений.....	50
Глава 3. Творческий опыт Захара Прилепина	62
3.1. Воздействующий потенциал антиномии.....	62
3.3. Речевые средства выражения категории оценочности.....	77
Заключение.....	97
Список литературы.....	102

Введение

Фундаментальным признаком современного медийного пространства является его ориентированность не только на анализ и интерпретацию актуальных проблем окружающей действительности, но и на формирование аксиологических представлений массовой аудитории. Поиск ответа на вопрос, что есть благо, а что зло, оценка окружающей действительности являются сверхзадачей профессиональной деятельности современного журналиста.

Реализация этой сверхзадачи усложняется тем, что процесс обновления всех сфер общественной жизни, формирование массового, унифицированного общества, повлекло за собой нравственную, ценностную дезориентацию в современном мире¹. Аксиосфера, формируемая через медиапространство, оказывается «более продуктивной и удобной для жизненной реализации, нежели система ценностей, формируемая институтами семьи, школы, религии, искусства»². Возрастающее в связи с этим обстоятельством внимание современной гуманитаристики к аксиологии журналистики и заинтересованность журналистов в поиске новых форм и способов репрезентации ценностных представлений определяют **актуальность** данного исследования.

Первые научные работы, посвященные ценностям, появились в Древней Греции. Именно тогда формируется «аристотелевское» понимание ценности как соответствия объекта мысли о нем³. В последующем ценности становятся объектом внимания философов Нового времени – Спинозы, Фурье, Гольбаха, которые связывали ценность с понятиями «истинность» и «подлинность»⁴.

¹ Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С. 457.

² Сидоров В. А. Аксиология журналистики: учебное пособие. СПб, 2014. С. 300.

³ Ивин А. А. Аксиология: учебник для академического бакалавриата. М., 2018. С. 389.

⁴ Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С. 457.

В более поздних исследованиях П. Сорокина, О. Шпенглера, Н. Розова ценность рассматривается как единство предметности и антропности⁵. Современные аксиологические теории базируются на трудах М. С. Кагана, В. К. Шохина, Л. Г. Лисицкой, О. П. Зубец, К. Н. Назарова, А. А. Ивина и др. Ценность понимается как философско-аксиологическая категория, обозначающая для субъекта социальное значение различных форм проявления объективной реальности.

С нашей точки зрения, особый интерес представляет репрезентация ценностных представлений через журналистскую интерпретацию литературных произведений. Правомерность этого интереса определяется, во-первых, жанровыми особенностями литературной критики. Слово «критика» в переводе с греческого языка означает искусство судить, разбирать⁶. Ориентация критики на современное литературное или медийное пространство, анализ и интерпретация актуальных событий, оценка важных сегодня обстоятельств отличают литературную критику от истории литературы, определяют значение жанра именно в современном медиапространстве, его широкие аксиологические возможности.

Во-вторых, в репрезентации ценностных представлений значительна феноменальность речевой формы оценочных фрагментов текстов, формирующих данный сегмент журналистского арт-дискурса. Н. А. Бердяев писал о том, что человек есть существо оценивающее: определение ценностей и их установка есть трансцендентальная функция сознания⁷. Современные исследования, посвященные оценочному компоненту в жанре критической

⁵ Назаров В. Н. Прикладная этика: Учебник. М., 2005. С. 302.

⁶ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

⁷ Шевцова Н. П. Культура как система ценностей. М., 2004. С. 160.

статьи, принадлежат Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, В. И. Козыреву, В. А. Марьянчик.

Идеи Е. М. Вольф, В. Н. Крылова легли в основу наших теоретических представлений. Мы убеждены, что журналистское оценивание литературного текста — способ интерпретации литературного произведения с преимущественным влиянием авторских ценностных ориентиров.

Новизна исследования определяется не только отсутствием специальных лингвистических работ, посвященных аксиологическому содержанию жанра литературно-критической статьи, но также попыткой обновить уже существующее научное описание корпуса речевых средств, направленных на репрезентацию ценностных представлений в медиатексте.

Воздействующий потенциал журналистского литературно-критического текста в значительной степени зависит от речевой формы выражения его институциональных характеристик: от репрезентации категории оценочности, от системы контактоустанавливающих средств. Давая оценку в суждениях о литературе сегодняшнего дня, автор критической статьи претендует не только на внутрилитературный авторитет, но и на более широкий – общественный⁸. Как следствие, эффективность текстов напрямую зависит от значимости в современном медиапространстве фигуры публициста. Именно поэтому в данном сегменте дискурса особый интерес для нас представляют литературно-критические статьи Захара Прилепина, который является одной из популярных сегодня медиаперсон.

Объектом исследования является речевая форма публицистических и литературно-критических произведений, включенных в сборники З. Прилепина «Я пришел из России» (2009), «Terra Tartarara: Это касается лично

⁸ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

меня» (2009), «К нам едет пересвет» (2015), «Именины сердца. Разговоры с русской литературой» (2009), «Книгочет» (2012).

Предмет исследования – речевые средства, с помощью которых в текстах литературно-критической статьи при репрезентации авторских оценок формируются ценностные смыслы.

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей и закономерностей речевой репрезентации авторских ценностных представлений в литературно-критической статье, созданной профессионалом речи.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- Создание терминологической базы исследования.
- Изучение этапов становления аксиологии как научного направления.
- Систематизация научных представлений, связанных с ценностями и ценностной системой.
- Описание жанровых особенностей и речевой структуры текста литературно-критической статьи.
- Описание арсенала речевых средств, направленных на репрезентацию ценностных смыслов в медиатекстах.
- Определение алгоритма репрезентации оценки в тексте литературно-критической статьи.
- Выявление специфики формирования ценностных представлений в литературно-критических произведениях Захара Прилепина.
- Анализ причин, определяющих авторский алгоритм речевой репрезентации ценностных представлений в современном медиатексте.

Эмпирическая база: литературно-критические статьи «Давайте объяснимся. Пара слов о лени», «Пойду на грозу, покажу ей «козу», «Заметки

о мужской прозе», «Политэкономия», «Саркастическое отступление», «О лучших книгах «нулевых», «Публицист и Ко», «Теперь мы будем жить отдельно», «Русский язык без почвы не жилец», «Лирическое отступление», «Критика», «Мастера», «Прозаический блиц», «Тенденции», «Как я завел это лето», «О лучших книгах «нулевых» и др. публикации, вошедшие в указанные собрания.

Для реализации поставленных целей и задач в рамках данного исследования использовались общенаучные **методы исследования:** исторический и сопоставительный, предполагающие систематизацию накопленных теоретических знаний, их анализ и интерпретацию, а также описательный метод и современные аналитические методики, разработанные в русле интенциональной стилистики, направленные на когнитивный анализ текста, выявление его смысловой структуры.

Методологическую базу данной работы составляют фундаментальные исследования в области стилистики (Е. М. Вольф, М. Н. Кожина), философии, культурологии и аксиологии журналистики (А. А. Ивин, В. А. Сидоров, И. В. Ерофеева, В. К. Шохин, М. С. Каган), медиалингвистики (Г. Я. Солганик, Л. Р. Дускаева), а также работы по теории критики (Ю. А. Говорухина, В. Н. Крылов).

Положения, выносимые на защиту:

1. Современный медийный арт-дискурс, ориентированный на формирование аксиологических представлений массовой аудитории, демонстрирует большую эффективность при репрезентации ценностных представлений, нежели традиционные социальные институты семьи, школы, а также искусство и религия.
2. Эффективность репрезентации ценностных представлений в тексте литературно-критической статьи зависит от институциональных

особенностей жанра, обеспечивается уникальной речевой формой, коммуникативными возможностями.

3. Эффективность репрезентации ценностных представлений зависит от ценностных установок рецензента; от взаимосвязи интерпретации литературного произведения с социально-историческими характеристиками контекста, с современностью.
4. Феноменальность речевой формы литературно-критических произведений Захара Прилепина выражается в авторском алгоритме текстопорождения, включающем в себя три определяющих этапа: отбор объектов рецензирования, их номинация и детализация авторской оценочной позиции.
5. Восприятие массовой аудиторией транслируемых журналистом или критиком аксиологических смыслов зависит от степени погруженности автора литературно-критической статьи в реальную жизнь, от сложившейся коммуникативной манеры, от его творческой индивидуальности и уровня речевой компетенции.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью разработки на её основе учебно-методических рекомендаций, так как через постижение специфики созданного и многократно апробированного Захаром Прилепиным алгоритма текстопорождения, в результате которого интерпретация литературной ситуации соединяется с интерпретацией жизни, мы определили актуальную и эффективную технологию репрезентации ценностных представлений, созданную профессионалом речи.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. В первой главе «Репрезентация ценностных представлений как научная проблема» реферативно представлены основные положения теории ценностей, существующие научные подходы к ключевым аксиологическим проблемам, а также исследования, посвященные

категории оценочности. Во второй главе «Репрезентация ценностных представлений в речевой структуре литературно-критической статьи» анализируются современные научные подходы к жанру литературно-критической статьи, формируется аналитический алгоритм, позволяющий выявить специфику репрезентации оценки в интересующем нас типе медийного текста. В третьей главе «Творческий опыт Захара Прилепина» исследуется специфика процесса формирования ценностных представлений, обусловленная творческой индивидуальностью профессионала речи.

Концепция работы представлена в следующих публикациях автора данного исследования:

1. «Категория авторства в публицистических текстах Захара Прилепина», сборник всероссийской научной конференции студентов и аспирантов «Слово и текст в культурном и политическом пространстве» (2016 г.);
2. «Категория авторства в публицистических текстах Захара Прилепина», сборник международной конференции «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» (2016 г.);
3. «Речевая репрезентация ценностных представлений в литературно-критической статье Захара Прилепина», сборник международной конференции «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» (2017 г.);
4. «Речевая репрезентация ценностных представлений в литературно-критической статье», сборник международной научно-практической конференции «Информационное поле современной России: практики и эффекты» (2017 г.);
5. «Речевая репрезентация ценностных представлений в литературно-критической статье», сборник международной научно-практической конференции «Стратегические коммуникации в бизнесе и политике» (2017 г.);

6. «Речевая репрезентация ценностных представлений в литературно-критической статье», сборник международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2018 г.);
7. «Речевая репрезентация ценностных представлений в литературно-критической статье», сборник международной научно-практической конференции «Культура в фокусе научных парадигм» (2018 г.);
8. «Речевая репрезентация ценностных представлений в литературно-критической статье», сборник международной научно-практической конференции «Информационное поле современной России: практики и эффекты» (2018 г.).

Основные положения диссертации были изложены на научных конференциях: «Слово и текст в культурном и политическом пространстве», г. Сыктывкар, 2016 г., «Современная медиасреда: творчество и коммуникативные практики. Взгляд молодых исследователей», г. Санкт-Петербург, 2016 г., «Медиа в современном мире. Молодые исследователи», г. Санкт-Петербург, 2016-2018 гг., «Стратегические коммуникации в бизнесе и политике», г. Санкт-Петербург, 2017 г., «Культура в фокусе научных парадигм», г. Донецк, 2018 г., «Информационное поле современной России: практики и эффекты», г. Казань, 2018 г., «Ломоносов», г. Москва, 2018 г.

Глава 1. Репрезентация ценностных представлений как научная проблема

1. 1. Понятие ценности: теоретико-исторический аспект

В философской науке под аксиологией понимают дисциплину, исследующую категорию «ценность», структуру и иерархию ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений⁹. Аксиологическая теория базируется на философских исследованиях В. П. Тугаринова, В. Василенко, М. С. Каган, В. К. Шохина, А. А. Ивина и других.

Как самостоятельная наука аксиология сформировалась только в конце XIX века. До этого к ценностной проблематике обращались в различные периоды развития философской мысли, однако, это обращение носило фрагментарный, контекстный характер. В античной философии внимание к темам добра, зла, красоты не оформилось в обобщенную теорию. М. С. Каган связывает такое развитие философской мысли с тем, что эти явления анализировались разрозненно, так как не осознавались как конкретные проявления единого начала. «Разум как способность познания стоит в центре внимания греческой мысли. Греческая философия – сугубо рационалистическая философия»¹⁰. Поэтому, по Кагану, все нравственное, эстетическое, религиозное было несистемным – человек в античности был носителем логоса, что и делало его мерилom всех вещей.

В Средневековье аксиология находила своё отражение в теологии. Истинной ценностью признавался Бог, а все остальные ценностные ориентиры были так называемой «теологической репродукцией». Такой подход к ценностям исключает необходимость в формировании теории ценностей, так как все представление о священном, главном для человека, растворилось в религии.

⁹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., Т. 1. 2010. С. 744.

¹⁰ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб, 1997. С. 205.

Религиозное миропонимание определило и развитие философской мысли в России. До XVIII века русская традиция не знала теории ценностей, так как находилась под сильнейшим влиянием богословия. История развития общественной мысли, будто то западники или славянофилы, не ориентировалась на теоретическое осмысление теории ценностей. Сторонники той или иной позиции истинно ценным считали то, что определяет их мировоззрение. Так, В. Соловьев выделял Истину, Доброту и Красоту, но не как ценностные позиции, а как три неразлучные идеи божества, поскольку оно есть «и величайшее добро, и высочайшая истина, и совершеннейшая красота¹¹». П. Флоренский рассматривал триаду Истина, Добро и Красота как одно начало религиозного учения, также и в идеях С. Л. Франка – добро находится в неразрывной связи с Богом. Такое развитие ценностного представления в русской философии свидетельствует о невозможности формирования какой-либо аксиологической теории. Каган пишет, что любое представление о ценности в русской общественной мысли сводится к ценности религиозной¹². Развитие аксиологической мысли у противников религиозного мировоззрения также было невозможным в силу отрицания ценностного начала нигилистами.

В начале XX века в период формирования русского марксизма осуществляется переход от религиозного миропонимания к политико-идеологическому. Духовная деятельность человека направлена на отражение объективной реальности, а не на ее ценностное осмысление, высшей ценностью признается не вера, а идеология – это определило вектор развития философии и, как следствие, отказ от разработки теории ценностей.

Понимание аксиологии в её неразрывной связи с теологией и идеологией нашло отражение и в отдельные периоды развития аксиологической мысли в Европе.

¹¹Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб, 1997. С. 205.

¹² Там же. С. 87.

В эпоху Возрождения происходит возврат к античному пониманию категории ценностей – человек и окружающая его нравственная, правовая, экономическая, политическая и эстетическая жизнь понимается не как что-то мистическое, а как земное. Отказ от религиозного понимания ценностей проявился и в эпоху Просвещения. В это время «свет» связан был не с божественной силой, а с познавательной мощью разума: «человек производное от его мышления». Рационализм того времени абсолютизировал возможности познавательной деятельности мышления, мир и его ценность воспринимался как совокупность объективных законов.

Однако в середине XVIII века рационализм эпохи Просвещения претерпевает кризис, так как центральное место в европейской культуре и философии занимают французский сентиментализм и предромантическое немецкое движение «Буря и натиск». Переход от традиционного понимания мира как объективной реальности к миру чувственному, переживающему формирует понимание ценности не как объективной данности, а как трансформирующейся в культуре и потому изменчивую — и в историческом времени, и в географическом пространстве – категории. Такой переход от рационализма к субъективизму определил новый виток в развитии аксиологической мысли, которая начинает окончательно формироваться уже в середине XIX века.

Определяющую роль во внедрении в философию категории ценности сыграл Р. Г. Лотце. Именно он определил субъективную природу ценностей, заявив о том, что «без чувств субъекта ценности не существуют, так как ценности не могут принадлежать сами себе»¹³. Субъективность по Р. Г. Лотце – это «мысль, которая обозначает значимость, ценность понятия, представляющего собой объективный смысл определяемого». Идеи Р. Г. Лотце о двойственности природы ценностей повлияли и на развитие теологической мысли. Теолог А.

¹³ Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С. 457.

Ритчль соотносил предметы веры с ценностными суждениями, а не с религиозными утверждениями, заявив, что главным принципом ценности становится мотив – именно это чувство определяет желанность.

В конце XIX века научный интерес к феномену ценности возрастает. Особый вклад в становление аксиологии привнес Ф. Ницше, который трактовал бытие не как объективную реальность, а как ценность, тем самым растворяя онтологию в аксиологии. В трактате «К генеалогии морали», написанном в 1887 г., Ф. Ницше говорит о необходимости решить проблему ценности и определить «табель о ценностных рангах»¹⁴, а в «Воле и власти» философ провозгласил необходимость «переоценки всех ценностей»¹⁵, связывая ценности не с объективным миром, а с потребностями индивида.

Итогом развития аксиологии в Европе стало утверждение ее места в философии как необходимой теоретической дисциплины со своей системой. Во-первых, формальная аксиология, под которой в философии стали понимать «общие законы, заключенные в ценностных отношениях»¹⁶. Во-вторых, материальная аксиология, исследующая структуру и иерархию эмпирических, человеческих ценностей. В-третьих, аксиологическая онтология, которая изучает субъективность ценностей, их взаимоотношения с существованием. В-четвертых, в система аксиологической теории включает в себя гносеологию – взаимосвязь ценности с процессом познания. Четыре области аксиологической науки в конце XIX века определили сущность теории ценностей. Ценность стала восприниматься как духовное ядро культуры.

Центральной категорией учения о ценностях становится само понятие «ценности». Развитие аксиологической мысли в XIX веке определило ключевую характеристику ценности – субъективность, поэтому впоследствии ценность

¹⁴ Ницше Ф. Генеалогия морали. М., 2011. С. 224.

¹⁵ Там же. С. 189.

¹⁶ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 744.

рассматривают как совокупность трех компонентов: субъекта (того, кто оценивает), объекта (то, что подвергается оцениванию) и самого процесса оценивания. Это повлекло за собой формирование субъективистского подхода к пониманию ценности. Такая трактовка предполагает исследование локализации ценностного отношения: формируется ли оно в результате душевных переживаний, потребностей или интересов человека, или его целей. Так, А. Маслоу в работе «К психологии бытия» трактовал ценности как «избирательный принцип, свойственный всякому живому существу, от цыпленка до человека»¹⁷. Американский философ Р. Перри рассматривал ценность как производную от человеческих интересов. Австрийский философ Х. Эренфельс понимал ценность как «отношение между объектом и субъектом, которое выражает тот факт, что субъект желает объект либо уже фактически или желал бы его и в том случае, если бы не был даже убежден в его существовании». Таким образом, субъективистский подход соотносил природу ценностей с чувственным миром человека: с его ощущениями и эмоциями, ценность определялась её желанностью.

Однако субъективистскому пониманию ценностей противостояли те философы, которые исключали возможность локализации ценности на одном только душевном переживании. Понимание ценности как результата целостного, а не «раздробленного» на чувства, субъекта привело к формированию субъект-объективистской теории. Её последователями принято считать А. Мейнонга, Дж. Мура, И. Хейде. Субъект-объективисты считали нецелесообразными попытки связать ценности с желаниями или потребностями человека, так как то, что желанно и необходимо, априори считается для человека ценным. Субъективность, согласно этому подходу, определяется тем, что один объект у разных субъектов вызывает различные ценностные чувства. В то время как

¹⁷ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб, 1997. С. 205.

объективность характеризуется тем, что именно ценности отдельных объектов влияют на эмоциональное состояние человека. Субъективность и объективность определяют лишь характер ценности, в то время как под ценностью субъективисты понимали «особое отношение между объектом ценности и её чувством – особым состоянием субъекта ценности»¹⁸.

Исключала субъективистский подход к трактовке природы ценности объективистская аксиология, которая рассматривала существование онтологически независимого от субъекта царства ценностей. Основоположником этой теории считается М. Шелер. По М. Шелеру, человек выступает исключительно как реципиент ценностного мира. Объективисты создали иерархическую систему царства ценностей, которая существует как бы извне, ценностным может стать все, в результате познавательного акта, который может быть как истинным, так и ложным.

Однако такому пониманию ценностей в XX веке противостояли представители антиаксиологической точки зрения. Так, например, М. Хайдеггер в принципе исключал необходимость формирования аксиологической системы, так как всякое оценивание, по мнению философа, есть субъективизация, лишаящая бытие его онтологической объективности¹⁹. М. Хайдеггер приводил пример с ценностью Бога, отмечая, что сам факт оценивания, лишает божественное ценности. Идеологи свои ценности признавали истинами, поэтому в теории ценностей потребности не было.

Обостренную критику теории ценностей, получившей распространение в XX веке, связывают с реакцией философов на «культ ценностей». Появление во второй половине XIX века нового «идола» – аксиологии – повлекло за собой стремление «расчистить» почву, провести «переоценку всех ценностей», о которой еще в середине пути развития аксиологической мысли писал Ф. Ницше.

¹⁸ Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. С. 744.

¹⁹ Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С. 457.

В этом ключе М. Хайдеггер рассматривал отказ от ценностей не как нигилизм, а как отказ от субъективизации, которая открывает для мысли «просвет бытийной истины»²⁰.

Развитие аксиологической мысли со второй половины XIX века заложило основы современной науки о ценностях, основными направлениями которой являются натуралистическая и феноменологическая аксиология. Сторонники натурализма связывают ценность вещи с её желанностью. Так, например, Р. Б. Перри рассматривал ценность как производную от интереса, Н. Моррис как производную от нужды, Д. Льюис как чувство удовлетворенности. Русский философ М. М. Бахтин считал, что ценности реализуются только в поступках, и в многообразии индивидов видел многообразие ценностных миров. В то время как феноменологический подход отрицал эмпирическую природу ценностей, реально существует лишь сама оценка, ценность – синтетична²¹.

Сложное и многоаспектное развитие аксиологической мысли определило множественность определений понятия ценности в философии. Н. А. Бердяев исключал возможность определения ценности, потому что ценность должна предшествовать суждению, не зависеть от суждения, а определять его. Советский философ В. К. Шохин связывал сложность определения понятия ценности с ценностным суждением. Слово «ценность» иногда употребляется в том же смысле, что и понятие «положительная ценность», или «добро». Иногда же понятию «ценность» придается более широкий смысл и проводится различие между позитивными (положительными) и негативными (отрицательными) ценностями. Первые совпадают с добром, вторые — со злом, первые являются предметом положительного интереса, желания и т. п., вторые — отрицательного. Философ А. А. Ивин понимал ценность как соответствие объекта мысли о нем²².

²⁰ Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С. 457.

²¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М., 2010. С. 744.

²² Ивин А. А. Аксиология: учебник для академического бакалавриата. М., 2018. С. 389.

Подводя итог научного поиска, автор соответствующей статьи в авторитетной «Философской энциклопедии» определяет ценность как понятийную универсалию философии, которая означает глубинные составляющие структуры личности: в единстве предметов её устремлений (предмет будущего), особого переживания (предмет настоящего) и хранения своего достоинства (аспект прошлого)²³.

Для нас принципиально важно, что ключевыми характеристиками ценности философы называют: соотнесенность их со стоимостью и процессом оценивания, взаимосвязь с интенциональностью индивида и объективной реальностью.

1.2 Типология ценностей в свете аксиологии

Попытки сформировать типологию ценностей предпринималась философами на протяжении всей истории развития аксиологической мысли. Первую в философии типологию ценностей представил Платон. В III веке до нашей эры он определил высшей ценностью Благо, с которым соотносились категории добра и справедливости, после них следовали ценности, соотносимые с «прекрасными качествами тела», низшую ступень в типологии ценностей занимали имущественные блага и достаток.

Бурное развитие аксиологической мысли в XIX веке определяет появление новых ценностных типологий. Одним из первых заговорил о необходимости иерархизации класса ценностей Э. фон Гартман. Немецкий философ разделял ценности на основные, связанные с благом, и частные, включающие в себя справедливость, самообладание, любовь к ближнему и прочее. В результате

²³ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М., 2010. С. 744.

Э. фон Гартман предлагал следующий ценностный ряд: удовольствие – целесообразность – красота – нравственность – религиозность²⁴.

Немецкий философ Г. В. Ф. Гегель разделял ценности на утилитарные и духовные. Первые были связаны с экономикой, вторые – с внутренним миром человека, «свободой духа»²⁵. Экономические ценности Г. В. Ф. Гегель относил к первичным, так как их важность определялась состоянием рынка, потребностями аудитории, в то время как духовные ценности относятся к вневременным, высшим ценностям человечества. «Индивид имеет бесконечную ценность», – писал немецкий философ в «Философии религии»²⁶.

Немецкий философ Иммануил Кант соотносил понятие «ценность» с нравственным законом, поэтому высшими, абсолютными были моральные ценности, которые подчинялись категорическому императиву. По Канту высшая ценность является верховной инстанцией, в центре которой – мораль, являющаяся главным ориентиром для человека. К низшим ценностям И. Кант относил то, что имеет рыночную ценность – зависит от временных, пространственных и иных характеристик. Принципиальное отличие типологии ценностей И. Канта заключается в том, что он сформулировал концепт «внутренней ценности» – «весь мир существует ради ценности личности»²⁷. В. К. Шохин, отмечая односторонность философской концепции И. Канта, утверждал, что кантовское учение сформировало теоретическую почву для последующего развития аксиологии.

Одним из первых задумался о необходимости разделения ценностей на высшие и низшие немецкий философ М. Шелер. Он писал о том, что «всему

²⁴ Таланова К. С. Ценностное ядро духовно-нравственного кризиса: дефиниции, типологии, система ценностей// Вестн. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. М. 2014. Вып. 3. С. 179-200.

²⁵ Таланова К. С. Указ. соч. С. 181.

²⁶ Таланова К. С. Указ. соч. С. 195.

²⁷ Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С. 457.

царству ценностей присущ особый порядок, который состоит в том, что ценности в отношениях друг к другу образуют высокую иерархию, в силу которой одна ценность оказывается более высокой, чем другая»²⁸. Выделение в системе ценностей «ранга» находит свое отражение еще в античной философии, однако, М. Шелер, определяя природу ценностей, характеризует негативные или позитивные ценности и связывает иерархичность с особым актом познания, в результате которого формируются «предпочтения»²⁹. Предпочтение в одном случае зависит от внутреннего мира человека, а в другом – от онтологического статуса самой ценности, от её неизменности для всех субъектов. М. Шелер к высшим ценностям относил вечные, неделимые блага человечества, несоотносимые с материальными и временными желаниями человека, за ними шли – нравственные ценности, после – эстетические, затем – этикетные и на последнее место немецкий философ разместил гедонистические ценности, соотносимые с понятиями «приятно/неприятно»³⁰.

Обострившийся на Западе в XX веке кризис аксиологической мысли приводит к ситуации тотальной «переоценки ценностей». В 1908 году Г. Мюнстерберг разработал ценностную систему, в которой выделил следующие классы:

1. Логические ценности: ценности «самоподдержания».
2. Эстетические, культурные ценности: красота, гармония, любовь.
3. Этические ценности: саморазвитие, право, прогресс.
4. Метафизические, божественные ценности: творение, откровение, спасение³¹.

²⁸ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М., 2010. С. 744.

²⁹ Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей. М., 1994. С. 275.

³⁰ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М., 2010. С. 744.

³¹ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб, 1997. С. 205.

А. Маслоу разрабатывает ценностную систему, соотносимую с иерархией потребностей. Американский психолог и социолог рассматривает ценности в их неразрывной связи с внутренним миром человека, поэтому предлагает типологию ценностей, согласно которой существует три уровня ценностей: общечеловеческий – на котором формируются ценности общие для всех здоровых людей, поскольку порождаются они фундаментальными потребностями нашего организма, далее следует уровень ценностей определенных групп людей и уровень ценностей специфических индивидов³². Следовательно, ценность понимается как производная, а иногда и тождественная, потребности.

Создание типологии ценностей от низших (материальных) к высшим (святым) нашло свое отражение в трудах французского философа И. Гобри, который классифицировал ценности по двум принципам: спонтанные и установленные. К первым философ относил витальные ценности (польза), эстетические (красота) и логические (истина). В то время как к установленным И. Гобри относил экономические ценности, художественные, научные и моральные.

Таким образом, субъективная и онтологическая характеристики ценностей определили в современной иерархии ценностей два направления. В. К. Шохин пишет о том, что первая система выстраивается в соответствии с сущностными носителями, которыми могут быть ценные «вещи» и личности³³. Носителями ценности в таком случае выступают определенные акты познания, любви, ненависти и прочего, функции – слух, зрение, обоняние, ответные реакции – радость, грусть, и спонтанные акты. Вторая система основана на ценностной модальности. Здесь теоретики аксиологии выделяют четыре ряда:

³² Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб, 1997. С. 205.

³³ Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С. 457.

1. Ценностный ряд «приятного» и «неприятного», они являются реакцией чувств человека: чувство наслаждения, отвращения, страха, боли и проч.
2. Ценностный ряд «благородного» и «низкого», выражение ответных реакций: радость и печаль, инстинктивных реакций: страх и храбрость, «модусы чувства жизни»: болезнь и здоровье, подъем и спад.
3. Эстетические ценности: «прекрасное», «справедливое». Сюда же относятся ценности культуры, духовные ценности познания истины, ценности материальных носителей культуры: предметы искусства, исследовательские центры и др.
4. Ценностный ряд «святого» и «не святого» – важным принципом существования является «абсолютность предмета». Ценности являются ответом на чувства блаженства, отчаянья, результатом веры, поклонения, благоговения³⁴.

Ключевой особенностью любой типологии ценностей является её вариативный характер. М. С. Каган отмечал, что сам характер иерархичности ценностей подчеркивает изменчивую природу любой типологии. Важно отметить, что ценность остается неизменной, меняется аксиосфера, которая находится в определённых отношениях с носителем ценностных установок. Так, в различные исторические периоды или в различных культурах на вершине пирамиды находятся то одна группа ценностей, то другая. В качестве примера реструктуризации аксиосферы исследователь приводил матриархальные и патриархальные культуры. Во время главенства первой верховным божеством была женщина, во время второго – мужчина. Как следствие, в восточных странах с патриархальным укладом к первичным ценностям относят: коллективную ответственность, мир, карму, сохранение среды, гостеприимство и др. В то время

³⁴ Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С. 457.

как в западных странах первичными ценностями считают: спасение, индивидуальность, первенство, эффективность, равенство и др. Развитие этих разных культур не только определяет разные ценностные установки в каждой из них, но и влияет на формирование новых. Так, например, российская аксиосфера, объединяющая в себе черты западной и восточной культур, соединяет в себе как ценности свободы и нравственной личности, так святость, скромность, уважение к старшим³⁵. В отличие от западной культуры, в российской аксиосфере богатство, равенство и первенство относят к второму блоку второстепенных потребностей, а ценности религии, кармы и коллективизма, характерные для восточной культуры, стоят на третьем месте. Таким образом, культура определяет не только понимание категории ценности, но и предполагает вариативность иерархии в аксиосфере культуры.

Выявленная гуманитаристикой неразрывная связь процесса актуализации ценностей определенного типа с общественным развитием и культурной ситуацией обусловила наш интерес к исследованию современных возможностей речевой репрезентации ценностных установок. Переходное состояние современной российской культуры, характеризующееся вступлением в новую постиндустриальную, информационную эпоху, на наш взгляд, характеризуется становлением новой аксиосферы, в результате чего происходит отказ от старых констант и переход к новым.

1.3 Оценочность как ключевая категория учения о ценностях

О связи ценности с процессом оценивания говорили философы на протяжении веков. Ф. Ницше писал о необходимости «переоценки всех ценностей», А. Маслоу настаивал на том, что ценности есть то, что человек

³⁵ Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб, 1997. С. 205.

оценивает больше всего. В основе субъективистского и субъект-объективистского подходов к пониманию ценностей лежат взаимоотношения между субъектом и объектом, центральной категорией которых является процесс оценивания.

Идея неразрывной связи оценки с ценностным содержанием находит свое отражение не только в философских, но и филологических исследованиях. Современные исследования, посвященные лингвистической категории оценочности, принадлежат Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, В. И. Козыреву, В. А. Марьянчик и др.

В современном языкознании оценка понимается как неотъемлемый элемент любого текста или высказывания. Е. М. Вольф отмечает, что оценка может даваться по разным признакам: «хорошо/плохо», «красивый/страшный», «широкий/узкий»³⁶. Однако не каждый вид оценки относится к ценностной сфере, только высказывания «добро/зло», «хорошо/плохо» предполагают высказывания о ценностях, в то время как рассуждения о размере или качестве лица, события или явления могут быть оценочными, но не относятся к области аксиологии. Для нас особый интерес представляет понимание оценки, связанное ценностным аспектом значения языковых выражений³⁷, который реализуется за счет трансляции субъектом оценки своего отношения, например, «добро/зло».

Такое понимание оценки находит отражение в исследованиях Н. Д. Арутюновой, которая писала о том, что оценка в ценностном аспекте характеризуется особой структурой, предполагающей наличие модальной рамки. Под модальной рамкой понимают отношение говорящего к пропозиции, то есть к объекту оценивания³⁸. По Арутюновой, модальная рамка накладывается

³⁶ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009. С. 280.

³⁷ Вольф Е. М. Указ. соч. С. 189.

³⁸ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. 2011. С. 696.

на смысловое значение высказывания, при этом не совпадая с его логическим смыслом³⁹. Элементами модальной рамки являются субъект, то есть лицо, которое дает оценку, объект – то, в отношении чего выносится оценка, и шкала оценок и стереотипы – то, на основании чего выносится оценочное суждение и то, что определяет понимание высказывания адресатом. Структура модальной рамки универсальна. Е. М. Вольф пишет о том, что наличие субъекта, объекта, шкалы оценивания и системы стереотипов характерно для всех языков, в то время как важным отличием, по мнению исследователя, становятся способы выражения оценок, которые зависят не только от личности говорящего, но и от языковых особенностей⁴⁰.

Ключевой особенностью оценки является её субъективный характер – оценка всегда принадлежит источнику сообщения, взаимодействующим с объектом оценивания. Следует разделять субъективный характер высказывания и субъективный компонент оценки. Под последним понимают оценивание чего-то с опорой на свое отношение к объекту оценки. Субъективному компоненту противопоставлен объективный – независящий от личного отношения субъекта, например, температура воды, воздуха, размер чего-либо. В структуре оценки субъективный и объективный компоненты неразрывно связаны, так как в тексте оценка связана с дескриптивной стороной высказывания. Н. Д. Арутюнова объясняет это информационной недостаточностью самой оценки: смысловая неполнота оценочного высказывания в тексте компенсируется объективными свойствами объекта⁴¹, например, в предложении *Я увидел удивительное платье* субъективное высказывание *удивительное* сопровождает дескриптивное *платье*.

³⁹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. 2011. С. 696.

⁴⁰ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009. С. 280.

⁴¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. 2011. С. 696.

Таким образом, с одной стороны, субъективный компонент оценки неразрывно связан с ситуацией общения: общие для участников коммуникации нормы и знания обеспечивают эффективность такого рода высказывания. С другой, Н. Д. Арутюнова отмечает, что дескриптивный компонент является также важным, в случае если между коммуникантами отсутствует общность взглядов и знаний.

Субъективная модальность предполагает разделение оценок на абсолютные и сравнительные. Абсолютная оценка предполагает выражение отношения об одном объекте на основании характеристик «хорошо/плохо», «правильно/неправильно» и др., в то время как для сравнительной оценки необходимо два объекта, на основании которых выносится оценочное суждение, предполагающее использование прилагательных в сравнительной степени или наречий: *красивее, интереснее, лучше*. Е. М. Вольф также считает, что сравнение может быть на основании открытого сопоставления одного объекта с другим или же за счет непрямого сравнения, например, *это могло быть интереснее*⁴². Особое значение абсолютной и сравнительной оценки выражается за счет детерминирования оценочного суждения в тексте: абсолютная оценка чаще всего выражается имплицитно, по сравнению со сравнительной. Сложность определения семантики абсолютной оценки заключается в том, что она предполагает наличие у адресата общения общих с автором фоновых знаний и представлений, потому что оценка осуществляется за счет них. В рамках данного исследования именно такая форма оценочных суждений в тексте литературно-критической статьи представляет большой интерес, так как современная публицистика характеризуется отказом от прямых лобовых⁴³ оценок.

⁴² Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009. С. 280.

⁴³ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 341.

Е. М. Вольф выделяла два основных вида оценки: оценка явлений реального мира (*de dicto*) и оценка свойств предметов (*de re*). Особенность первой категории оценки заключается в выражении субъектом своего мнения в отношении конкретного явления, а не уже существующего мнения о нем. В медиастилистике модальную рамку *de dicto* считают основной, так как в такой конструкции модальность приписывается всему суждению, а оценка реализуется за счет наречий, например, *хорошо, что это произошло, ты правильно поступил*. В то время как конструкция *de re* предполагает приписывание определенного признака объекту оценивания: *Сегодня хорошая погода, Ты сделал правильный выбор*. В данном случае, оценка выражается за счет использования прилагательных или глаголов с оценочным значением: *нравится, привлекает, отвращает*. Однако Е. М. Вольф считает разделение конструкции *de dicto* и *de re* на основную и второстепенную условным, так как оно основано только на различии в конструкции модальной рамки⁴⁴.

Исследуя семантику оценки, Н. Д. Арутюнова предложила классификацию частнооценочных значений, включающую три основные группы:

1. Сенсорные оценки – они, в свою очередь, делятся на сенсорно-вкусовые, то есть то, что нравится, доставляет удовольствие, и психологические, которые включают в себя интеллектуальные оценки: *интересный, познавательный*, и эмоциональные: *радостный, веселый, опечаленный*.
2. Абсолютные оценки – к ним относятся эстетические: *красивый, восхитительный*, и этические оценки: *моральный*.
3. Рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека – они бывают утилитарные, то есть характеризующие объект по принципам его полезности;

⁴⁴ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009. С. 280.

нормативные: *правильный, нормальный*; телеологические, направленные на оценку эффективности, результативности деятельности: *успешный, эффективный*⁴⁵.

Ключевой семантико-стилистической категорией оценки является оценочность. В современной медиастилистике понятие оценка и категорию оценочности разделяют. Под первым понимают процесс, действие, в результате которого формируется оценочное суждение. В то время как оценочность рассматривается как основной признак предиката оценки в структуре субъектно-объектных отношений, который реализуется в значениях «хорошо/плохо»⁴⁶. Отношения «хорошо/плохо» относятся к ценностному содержанию оценки и образуют аксиологическую структуру текста⁴⁷. Оценочность является обязательным признаком любого текста, поэтому в современной медиастилистике особое внимание уделяется речевым средствам выражения категории оценочности. Е. М. Вольф отмечает, что оценочный компонент, в первую очередь, характеризует глаголы, которые направлены на репрезентацию авторского отношения к объекту. Глаголы могут выразить эмоциональное отношение субъекта, например, *нравиться, ценить, обожать, восхищаться*. Важно отметить, что эмоциональная семантика категории оценочности направлена только на выражение отношения, она не характеризует свойства самого объекта, так как это реализуется за счет оценки. Категория оценочности в тексте может быть реализована за счет использования аффективных высказываний, вроде: *Какая прелесть! Ты мне неприятен!* Семантика оценки высказываний такого рода определяет авторское отношение к объекту оценивания, которое формируется на уровне эмоций говорящего.

⁴⁵ Аругюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 341.

⁴⁶ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009. С. 280.

⁴⁷ *Стилистика и литературное редактирование*. В 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата/ под ред. Л. Р. Дускаевой. М., 2016., С. 325.

В то время как высказывание: *Этот человек неприятный*, напротив, характеризует свойство объекта, на основании авторской оценки. Такие высказывания относят к рациональным типам оценки. В. М. Вольф отмечает, что принципиальная разница эмоциональной и рациональной оценки находит свое выражение именно в речевой репрезентации. Эмоциональная оценка является результатом реакции субъекта на объект, она может быть выражена междометиями *ах, ой-ой-ой*, аффективными высказываниями *Восхитительно! Поразительно! Печально*. Если эмоциональная оценка направлена на отсылку к эмоциям, то рациональная интерпретируется путем отсылки к мнению субъекта или другого авторитетного лица⁴⁸, поэтому для такого рода оценок характерны отсылки к чужому мнению: *как считают многие, это несправедливо, по мнению наших коллег, вы прекрасный сотрудник* – здесь оценочная составляющая реализуется не за счет эмоционального состояния, а за счет существующего об объекте мнения. Несмотря на различие в своей семантике и речевой репрезентации, эмоциональные и рациональные оценки входят в категорию оценочности, отражая разные стороны отношения субъекта к объекту.

Репрезентация категории оценочности в тексте реализуется на нескольких уровнях:

- На морфемном уровне (аффиксы: *мужчина – мужчинка, рука – ручонка*).
- На морфологическом уровне (за счет использования прилагательных и наречий с оценочной семантикой: *красивый, печально, удивительно*, пропозициональных глаголов *огорчаться, отчаиваться*).
- На лексическом уровне (наименование объекта оценивания: *прелесть, дыра*).

⁴⁸ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009. С. 280.

— На синтаксическом уровне (построение высказываний: *Ваш коллега – бестолковый!*).

Важной особенностью выражения оценки в тексте является возможность ее интенсифицировать или деинтенсифицировать. Е. М. Вольф называет эту возможность движением по оценочной шкале⁴⁹. Движение в данном случае осуществляется либо в сторону «хорошо», либо – «плохо». Возможности речевой репрезентации интенсификации оценки широки, В. М. Вольф среди них выделяет:

- Использование аффиксов, изменяющих степень оценки: *умнейший, красивейший, удивительнее*.
- Отражение интенсификации в семантике слов: *не нравится – ненавижу, люблю – схожу с ума*.
- Использование гиперболы: *больше всех на свете*; оценочных наречий: *очень, ужасно*.
- Устойчивые словосочетания: *упрямый, как баран*.

На наш взгляд, выявление в тексте способов репрезентации категории оценочности позволяет не только правильно интерпретировать смыслы высказывания и выявлять авторскую интенцию, но также уточнять уже существующие теоретические знания об оценочных суждениях.

Итак, систематизируя и обобщая идеи специалистов-филологов, мы пришли к следующим выводам, непосредственно повлиявших на созданный нами аналитический подход к тексту современной литературной рецензии:

- Ключевой категорией текста является оценочность, которая направлена на формирование аксиосферы в произведении.

⁴⁹ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009. С. 280.

- Оценочность – это свойство речевой единицы, способной эксплицировать авторское отношение к объекту, а также выразить положительные и отрицательные свойства самого объекта.
- Оценка имеет одновременно субъективный и социальный характер. Последний зависит не только от субъекта оценивания, но и от адресата – того, кто воспринимает информацию. Интерпретация и эффективность оценочного суждения напрямую зависят от наличия у аудитории общего с автором набора фоновых знаний и стереотипов.
- Современная медиастилистика описывает огромный арсенал речевых средств репрезентации оценки, с помощью которых автор выражает свое мнение.

Глава 2. Репрезентация ценностных представлений в речевой структуре литературно-критической статьи

2.1. Жанровые особенности литературно-критической статьи

В рамках данной работы теоретико-исторический очерк о критике, на наш взгляд, играет принципиально важную роль, потому что он позволяет определить фундаментальные особенности данного дискурса, проанализировать изменения, повлиявшие на структуру современного медиапространства, описать функциональные и стилистические особенности литературно-критической деятельности медиаперсоны.

Критика берет свои истоки в античности, это слово греческого происхождения, в переводе *kritike*, означает искусство судить, разбирать⁵⁰. В. Н. Крылов отмечает, что в Древней Греции критика была результатом творческой деятельности самих художников и выражалась латентно внутри произведения в виде оценки, в результате «спонтанного желания поделиться пережитым впечатлением, обсудить его, осмыслить»⁵¹. В древности критика не воспринималась как самостоятельная дисциплина, она была включена в единый творческий процесс как его часть, от этого критика в большинстве своем была безымянной, то есть не выделялись имена именно критиков, а были известны авторы произведений. В. Н. Крылов пишет о том, что все, кто был включен в творческую деятельность, оценивали произведения друг друга, выражали свои мнения⁵² – и это заложило основы для последующего становления критики как самостоятельной отрасли в литературной жизни. Первыми попытками сформировать критику как отдельную дисциплину стала попытка

⁵⁰ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

⁵¹ Крылов В. Н. Указ. соч. С. 167.

⁵² Крылов В. Н. Указ. соч. С. 178.

сформулировать структуру и критерии оценки, предложенная античными философами. Это привело к постепенному переходу критики из мира риторики в самостоятельную отрасль.

Таким образом, к первоначальным характерным признакам критики относят её оценочный характер, связанность с эмоциональным состоянием оценивающего, как следствие, субъективный характер, в большинстве случаев, отсутствие автора и включенность критики в единый литературный процесс.

В России литературная критика как самостоятельный институт сформировалась только в XVIII веке. В. Н. Крылов в «Теории и истории русской литературной критики» пишет о том, что прежде чем, литературная критика стала отдельной отраслью, она существовала в рамках самих художественных произведений, так же, как и в древнегреческой традиции. Однако особенность формирования русской критики заключается в большом влиянии религии на литературное творчество. До XVIII века литература воспринималась как Божий дар, в ней ценились верность традициям, образцам и нормам⁵³, поэтому сама форма критического переосмысления произведения была невозможной. В то же время в XVI – XVII века в России меняется подход к авторству – осуществляется медленный переход от «божественного» автора к индивидуальности.

XVIII век – это эпоха романтизма, в это время развиваются антропологические идеи, которые накладывают свой отпечаток и на становлении критики. В. Н. Крылов отмечает, что именно в эпоху романтиков вводились первые представления о литературе, ее интерпретации и субъективной оценке. Результатом осмысления специфики литературной рефлексии стало формирование первых жанров литературной критики: появляются проблемные

⁵³ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

статьи, диалогичные жанры, в рамках которых оценка осуществляется не только на уровне субъекта оценивания, но и с учетом оценки читателя.

Таким образом, становление русской литературной критики происходило под влиянием религиозной традиции и антропоцентричных идей эпохи Романтизма. Именно это, на наш взгляд, определило специфику понимания термина «литературная критика» в русской традиции.

В. Н. Крылов отмечал, что во французской и английской традиции к критике относят все работы по литературе – такое понимание критики теоретик называет широким, в то время как в Германии, критика воспринимается только как оценка литературных произведений, являющаяся посредником между автором произведения и читателем. В России понимание критики занимает срединное положение между двумя этими подходами, под критикой в литературоведении понимают «интерпретацию и оценку литературного явления как факта современного литературного процесса, в котором участвует и сам критик, пытаясь так или иначе на него воздействовать»⁵⁴. Именно это определение понятия «литературная критика» мы взяли за основу в рамках данной работы. В первую очередь, это связано с тем, что оценочный характер литературной критики свидетельствует об аксиологичности этой деятельности: в процессе оценки автор интерпретирует не только произведение, но и действительность, воплощенную в нем. В результате этого репрезентуются ценностные установки. Во-вторых, процесс интерпретации неразрывно связан с временными характеристиками. В. Г. Белинский в «Речь о критике» отмечал, что «каждое произведение искусства должно рассматриваться в отношении к эпохе»⁵⁵, таким образом, репрезентуемые оценки находятся в неразрывной связи с современностью, а в оценках выражается «сама жизнь». В-третьих,

⁵⁴ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

⁵⁵ Крылов В. Н. Указ. соч. С. 89.

эффективность процесса оценивания, выражающаяся в читательской реакции, связана с личностью рецензента. По мнению В. Г. Белинского, для оценивания окружающей действительности необходимо претендовать не только на внутрилитературный авторитет, но и на более широкий – общественный⁵⁶. То есть, эффективность текстов напрямую зависит от значимости в современном медиапространстве фигуры публициста.

На наш взгляд, эта особенность литературной критики находится в неразрывной связи с предметом критики, под которым мы понимаем текущую литературу, актуальный литературный процесс. Ориентация критики на современное литературное или медийное пространство, анализ и интерпретация актуальных событий, оценка значимых сегодня обстоятельств отличают литературную критику от истории литературы, свидетельствуют о важности этого жанра в современном медиапространстве, о его широких аксиологических возможностях.

Предмет литературной критики играет определяющую роль в понимании характера оценки. Об этом пишет В. Н. Крылов, отмечая, что история литературы анализирует произведение в его взаимосвязи с историческими явлениями, «реконструирует литературный подтекст»⁵⁷. В то время как оценка в литературной критике является способом интерпретации литературного произведения с преимущественным вниманием к авторским ценностным ориентирам, реальность, воплощенная в произведении, описывается и растолковывается критиком в соответствии с его внутренними переживаниями. В литературной критике оценка определяет смысловую структуру дескриптивных (описывающих) и экспликативных (разъясняющих)

⁵⁶ Крылов В. Н. Указ. соч. С. 115.

⁵⁷ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

высказываний⁵⁸. Теоретик литературоведения Ю. Б. Боров, разграничивая понятия литературная критика и литературоведение, выделял три определяющие характеристики:

- Критика тяготеет к оперативности и публицистичности, а литературоведение – к академизму.
- Литературоведение делает акцент на познании литературных произведений, а критика делает акцент на аксиологии.
- Критика обращается к широкой, массовой аудитории, а литературоведение к специалистам⁵⁹.

Связь литературной критики с актуальными процессами и явлениями соотносит её с журналистской деятельностью, определяющими качествами которой являются оперативность, информативность, достоверность⁶⁰. Теоретик русской литературной критики В. Н. Крылов пишет о том, что журналистика является определяющим фактором формирования критики как социального института. Появившиеся в XIX веке толстые журналы, в которых публиковались литературные произведения, стали площадкой для критики, в которых авторы выражали свои оценки и идеи. Опубликованные критические статьи стали не только неотъемлемой частью толстых журналов, но и всего литературного процесса. Критик в XIX веке занял позицию художника. О творческом потенциале литературной критики писал ирландский писатель О. Уайльд, называя критика художником⁶¹. Рассуждая о неразрывности критики с творческим процессом, В. Н. Крылов отмечает, что почти все известные русский критики были, в свою очередь, писателями. В качестве примера

⁵⁸ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

⁵⁹ Боров Ю. Б. Эстетика: учебное пособие. М., 1988. С. 496.

⁶⁰ Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М., 2001. С.287.

⁶¹ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

исследователь приводит поэта Д. Веневитинова, писателей Н. Полевого, А. Дружинина, Н. Чернышевского. Для нас сближение критики с литературной деятельностью принципиально важно. Мы считаем, что это сближение основано на наличии в тексте литературно-критической статьи ярко выраженного авторского начала, позволяющее воспринимать этот тип медиатекста как индивидуальную оценку произведения, направленную на трансляцию авторских переживаний и мыслей.

Появившийся в первой половине XIX века журнальный формат определил черты новой литературной критики, среди которых: просветительская направленность, тесная связь статей с общественно-политическим направлением журнала, особенность языкового выражения оценки, в которой заключены два начала: аналитика, связанная с анализом произведения, его интерпретацией, со знанием теории и истории литературы, и художественность, воплощающаяся в эмоциональности, оценочности, уникальном авторском слого.

В 70-90-годы XIX века в России происходят изменения в социальной, политической и экономической жизни, связанные с процессами урбанизации и индустриализации. Они приводят и к трансформации литературной и журналистской среды – на фоне снижения количества толстых журналов, возрастает количество газет и, как следствие, появляется новый тип критики. В. Н. Крылов отмечает, что появляющиеся тогда критические статьи отошли от стилистики и тональности «журнальной» критики – они воплощали в себе традиции журналистики и отвечали её главным требованиям: оперативность, доходчивость, публицистичность. Стилистические изменения критической статьи приводят к трансформации функционала критики: на задний план уходят прогностическая и познавательные функции, их место занимают аналитическая, идеологическая, аксиологическая функции. Исследователи отмечают, что появление «читательской» критики привело к тому, что в центре критики становилось не само литературное произведение, а «та культурно-историческая,

общественная ситуация, с которой оно связано». С одной стороны, это определяется потребностями аудитории – теперь читателями газетной критики стала массовая аудитория, которой не была близка и понятна специфика литературной деятельности, поэтому критики стремились к доходчивости и публицистичности. Стремление автора оценить и воздействовать на окружающую действительность, повлиять на формирование общественного мнения, отразить в своих произведениях точность времени, эпохи – это определяет новый характер критических произведений, появившихся в период серьезных общественных и политических трансформаций на рубеже XIX – XX веков. Таким образом, становление критики заканчивается появлением нового типа литературной критики – журналистской, публицистической, которая направлена на актуализацию литературного произведения в современной общественно-культурной ситуации, на формирование аксиологических представлений, и воздействие на сознание читателя. Роль и значение публицистической, журналистской критики особенно возрастает в периоды серьезных социальных потрясений, экономических и политических трансформаций.

В современном языкознании исследования, посвященные критике, находят свое отражение в трудах В. Н. Крылова, Ю. А. Говорухиной, Т. М. Колядич, Ф. С. Капицы и др. На сегодняшний день ими сформированы различные типологии критики, которые раскрывают жанровые, стилистические особенности этой деятельности. В. В. Прозоров разделял критику на профессиональную и журналистскую⁶². Первая направлена на анализ и оценку литературного произведения как явления искусства, его художественной концепции. Ю. А. Говорухина такой тип критики называет эстетической, такую же номинацию использует в «Теории и истории литературной критики»

⁶² Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

В. Н. Крылов. Ю. А. Говорухина отмечает, что эстетическая критика направлена на интерпретацию литературной деятельности как определенной художественной системы⁶³. Такой тип критики ориентирован на профессиональную аудиторию, занимающуюся литературоведением или литературным творчеством. В трудах других теоретиков профессиональную критику также называют филологической, писательской⁶⁴. Её своеобразие заключается в том, что она вызывает внутрилитературные дискуссии, является определяющим фактором развития и переосмысления литературного творчества.

Однако изменения, произошедшие в журналистской среде, определили формирование читательской или журналистской критики – своеобразной формы коммуникации автора с аудиторией, «в процессе которой на основе анализа, интерпретации и оценки медиатекстов оказывается влияние на восприятие медийного содержания публикой, а также в целом на представления о материальном и духовном мире, формирующиеся в сознании получателей массовой информации»⁶⁵. В. Н. Крылов такой тип критики называет публицистическим, так как оценка произведений в такого рода текстах строится на их соотнесенности с окружающей действительностью и значимостью протекающих событий. В. Н. Крылов отмечает, что принципиальное отличие профессиональной критики от публицистической заключается в том, что в центре внимания последней оказывается не «чистое» искусство (о котором говорил А. С. Пушкин, называя критику искусством открывать красоты и недостатки), а общественная идеология. Ю. А. Говорухина называет такой тип критики – «реальная», выделяя такие её компоненты, как актуальная действительность,

⁶³ Говорухина Ю. А. Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков. Монография. Красноярск, 2012. С. 359.

⁶⁴ Перхин В. В. «Открывать красоты и недостатки...». Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век. СПб, 2001. С. 256.

⁶⁵ Бейненсон В. А. Современная медиакритика: проблема взаимосвязи теории и практики// Вестн. Ниж. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2014. Вып. 2. С. 418-421.

художественный текст, автор, критик, читатель⁶⁶. В результате оценки литературного произведения осуществляется оценка реальной жизни.

Сегодня в результате изменений, происходящих в медиaprостранстве, характеризующихся стремительной скоростью обмена информацией, увеличением количества читателей критики, мы можем говорить о растущей значимости журналистской критики и её аксиологической функции. Это связано с тем, что аксиосфера, формируемая через медиaprостранство, оказывается «более продуктивной и удобной для жизненной реализации, нежели система ценностей, формируемая институтами семьи, школы, религии, искусства»⁶⁷.

Ключевым принципом отражения авторской позиции к существующей реальности является жанровая форма, которую он выбирает. Жанр определяет, к каким средствам обращается публицист на этапе выражения своей мысли, в какие формы отливаются факты, идеи, задачи. Под жанром мы понимаем «единую форму бытования публицистической действительности в группах произведений, объединяемых под тем или иным именем на основе общих сущностных свойств и примет»⁶⁸. В. Н. Крылов считает, что одним из главных жанрообразующих принципов критики являются её функции: идеологическая, коммуникативная, интерпретационная и прогностическая. Задачи, на которые направлена та или иная функция, определяют жанровую особенность критического произведения. Традиционно считается, что каждая из разновидностей критики, прежде всего, представлена жанром литературно-критической статьи. Статья представляет собой критическое произведение, направленное на анализ, оценку и интерпретацию литературного произведения.

⁶⁶ Говорухина Ю. А. Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков. Монография. Красноярск, 2012. С. 359.

⁶⁷ Сидоров В. А. Аксиология журналистики: учебное пособие. СПб, 2014. С. 300.

⁶⁸ Ершов Ю. М. Методы познавательной деятельности публициста и жанры публицистики: диалектика взаимодействия. Автореферат дис. на соис. уч. степени канд. филол. наук. М., 1987. С. 32.

Главная задача литературно-критической статьи – привлечь внимания читателя. Среди приемов привлечения внимания исследователи отмечают композицию произведения. В. Н. Крылов выделял логическую (преобладание мысли), субъективно-лирическую (превосходство чувства) и фактографическую (перечисление фактов)⁶⁹. Стоит отметить, что в современной литературно-критической статье каждая из этих композиций не представлена в чистом виде, для достижения большей эффективности публицисты и критики используют комбинации из нескольких структур текста. Отличительной чертой литературно-критической статьи становится представленная автором система аргументации. Идеологичность жанра литературно-критической статьи, появившаяся в результате влияния журналистики и публицистики, определила важность системы аргументации. В современном литературоведении выделяют три типа аргументации: центробежная (постепенное развитие темы от указанного тезиса), окольцовывающая (каждый аргумент возвращает к сказанной изначально мысли), сопоставительная (мысль развивается благодаря сравнению с другими объектами)⁷⁰. Система аргументации в тексте литературно-критической статьи играет определяющую роль, так как за счет неё формируются авторские установки. Традиции русской литературной критики заключаются в её полемичности, идеологичности и интегративности. Об этих особенностях русской критики писал В. Н. Крылов, отмечая, что если для западной критики характерна ориентация на литературу и её особенности, то для русской – ориентация на жизнь и её отображение в произведениях литературы. Таким образом, основная установка русской литературно-критической статьи заключается в формировании общественного мнения и воздействии на него. Эта черта определила формирование в тексте статьи эстетических установок,

⁶⁹ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

⁷⁰ Крылов В. Н. Указ. соч. С. 129.

направленных на трансляцию авторской мысли и переживаний. К ним относят: образность текста, афористичность, использование разговорных интонаций и лексики⁷¹. Использование вопросительных конструкций, риторических высказываний находит свое выражение не только в тексте, но и в заголовках. Для привлечения внимания в современных литературно-критических статьях авторы используют цитаты, метафоры, аллюзии, риторические конструкции: *«Пойду на грозу, покажу ей «козу», «Давайте объяснимся. Пара слов о лени», «Как я завел это лето»*⁷². Язык литературно-критической статьи, на наш взгляд, определяет главный принцип этого жанра – ориентацию не на писателя, а на читателя, на широкие слои населения, которые и являются главным объектом русской литературной критики.

Таким образом, современная русская литературная критика сформировалась под сильным влиянием публицистики, что определило её ориентацию на общество и жизнь, в целом. Этому способствовал и рост популярности сборников литературно-критических статей в XX веке, в которых переосмысление и оценка литературы были инструментами для анализа и оценки жизни. Современная русская критика ориентируется на запретные социально-политические темы и предполагает высокую социальную активность автора. Обращаются к актуальной проблематике критики «Литературной газеты», среди которых Максим Замшев, Лидия Спиридонова, Юрий Баранов. Полемична и идеологична критика Сергея Федякина, Михаила Визель, Романа Сенчина, Захара Прилепина. Она чаще всего характеризуется крупномасштабностью идей и идеалов.

Заключительным важным аспектом критической статьи является авторская интенция – именно авторские установки и ориентиры, репрезентуемые в тексте

⁷¹ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

⁷² Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

литературно-критической статьи профессионалом речи, определяют эффективность этого аксиологического жанра.

2.2. Принципы отбора объектов рецензирования и аксиологическое содержание статьи

Презентация оценки в тексте литературно-критической статьи определяется авторскими установками и уникальным алгоритмом текстопорождения. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу, мы проанализировали литературно-критические статьи Захара Прилепина – одной из самых популярных сегодня медиаперсон.

Захар Прилепин (Евгений Лавлинский) – псевдонимы. Настоящее имя – Евгений Николаевич Прилепин. После окончания школы милиции и службы в ОМОН, он поступил на вечернее отделение филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Получив филологическое образование, Прилепин в 1996 году как командир особого отделения отправился в Чечню. Три года спустя он вновь участвует в боевых действиях, но уже на территории Дагестана. В этом же году познакомился с главой незарегистрированной Национал-большевистской партии Эдуардом Лимоновым.

Захар Прилепин побывал на разных сторонах баррикад: в молодости он в составе отряда ОМОНа разгонял демонстрации, а позже сам участвовал в них. В 2000 году Прилепин переехал в Нижний Новгород и устроился в газету «Дело», где быстро сделал карьеру журналиста⁷³. С этого момента Захар Прилепин начинает развиваться как публицист. Он пишет роман «Паталогии». Сегодня Захар Прилепин шеф-редактор интернет-портала «Свободная пресса», автор

⁷³ Захар Прилепин: [сайт]. URL: <http://zaharprilepin.ru/>

сборников рассказов «Семь жизней», эссе «Я пришел из России», «К нам едет Пересвет», романов «Санька», «Грех» и др., антологий «Лит Перрон. Антология нижегородской поэзии», 2011, «Десятка. Антология прозы "нулевых" годов» и т. д. Он активно развивается как в печати, так и на радио (радио «Маяк», «Эхо Москвы», «Голос Америки»), и на телевидении (например, он был ведущим авторской программы на телеканале «Дождь», 2013 г.).

О популярности творчества З. Прилепина свидетельствует не только его участие в различных медийных проектах, но премии и награды, которые получает автор постоянно: лауреат Есенинской премии, 2015 г., победитель IV конкурса «Ревизор – 2015» в номинации «Выбор покупателя. Издатель бестселлера в бумажном варианте», Нижегородская региональная премия «Пробуждение» в номинации «Лидер года», 2014, Человек города, 2012 г. и так далее.

Об актуальности текстов Прилепина свидетельствует частота их выхода – ежегодно. В рамках данной исследовательской работы мы проанализировали 160 статей Захара Прилепина в сборнике «Книгочет», опубликованных с 2009 по 2016 год, и определили авторский алгоритм текстопорождения, который определяет феноменальность речевой формы литературно-критических произведений Захара Прилепина.

Презентация оценки в текстах Захара Прилепина, на наш взгляд, осуществляется на нескольких уровнях. Первый – отбор объектов оценивания. Е. М. Вольф под отбором фактов понимала один из основных уровней выражения оценки⁷⁴. В тексте критической статьи отбор объектов оценивания реализуется на гносеологическом уровне, на котором осуществляется передача информации о мире, акцентируется внимание на важных автору предметах и их свойствах, выражается отношение субъекта к оцениваемому объекту. Поэтому под отбором

⁷⁴ Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009. С. 280.

фактов в данной работе мы понимаем набор установок, направленных на трансляцию авторской интенции.

В предыдущей главе мы рассматривали процесс оценки как отношение субъекта к объекту оценивания. Таким образом, под объектом в данной работе мы понимаем тот предмет или факт действительности, которому приписываются различные характеристики, определяющие его ценность по принципу хорошо/плохо, правильно/неправильно и пр.

Предъявление массовому читателю определенной системы ценностей через цепочку оцениваемых или имеющих ценностное содержание объектов, по нашему мнению, является одной из ключевых особенностей современной литературно-критической статьи. В публицистическом творчестве Захара Прилепина определяющим моментом при отборе объектов оценивания становится авторская индивидуальность. Таким образом, формирование нового концепта в ценностной цепочке Захара Прилепина определяется:

- Во-первых, трансформациями окружающей жизни, актуальной общественной ситуации.
- Во-вторых, личностными переживаниями и ощущениями. О зависимости восприятия и анализа окружающей действительности от внутренних ощущений и настроений автора писала Н. А. Павлушкина: «Публицистические тексты вызваны к жизни конкретной ситуацией и конкретными явлениями, связаны с событиями окружающего мира и существуют в определенном временном пространстве»⁷⁵. В публицистическом творчестве Захара Прилепина определяющим моментом при отборе объектов оценивания становится авторская индивидуальность.

⁷⁵ Павлушкина Н. А. Релевантность массового периодического издания: роль информационного дискурса // Медиаскоп. №4. М., 2013.

— В-третьих, уровнем его речевой компетенции, включенностью в литературный процесс. О важности фигуры автора писал Л. П. Гроссман, анализируя публицистическую деятельность Белинского: «вслушиваясь в главную интонацию его писаний, мы вернее всего представляем его стоящим на трибуне перед большой аудиторией, которую он учит, воспитывает, убеждает и увлекает словом»⁷⁶.

Отбирая объекты рецензирования, Захар Прилепин в критических статьях создает дуальную систему ценностей и антиценностей. Например, в статье «Давайте объяснимся. Пара слов о лени» Захар Прилепин констатирует, что с момента написания «Обломова», было принято считать, что *ленивый человек – в сущности приятное существо, незлобливое* – за этим фактом сразу же следует авторская точка зрения о том, что *ленивые люди сплошь и рядом – мстительные, истеричные, пакостные*. Прилепин сначала напомнил о ценностной константе, и, создавая основание для диалога, спора, конфликтного суждения – сформулировал свое к ней отношение. Так Прилепин-критик за счет отбора объектов рецензирования вводит в статью представление об одной из самых актуальных, по его мнению, антиценностей современного общества – лени. Определяющим принципом при отборе фактов в данном случае стала включенность Прилепина в актуальный общественный процесс. От суждений о безразличии и благодетели автор переходит к актуальным проблемам общества, к справедливости и возмездию: *Я уверен, что они не отвечают за тот гигантский абортарий, в который превращена наша страна, за детей, пущенных на органы*⁷⁷. Прилепин-критик часто говорит не только и даже не столько о литературе, сколько о затронутых в художественных текстах

⁷⁶ Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.

⁷⁷ Прилепин З. Книжечет. М., 2012. С. 400.

жизненно важных вопросах. Рассуждение о лени, построенное на анализе современной литературной ситуации, выходит за рамки литературы и распространяется на окружающую действительность. Через антиценность «лень» Прилепин рассуждает о настоящем и будущем человека: *Вообще лень различать хорошее и дурное. Еще им лень ломать и лень строить*, и формирует площадку для переосмысления и анализа, в который включает читателя. В статье «Теперь мы будем жить отдельно» З. Прилепин, анализируя творчество Бориса Акунина, Людмилы Улицкой, обращается к теме свободы слова. Особенность репрезентации заключается в противопоставлении безразличия, равнодушия со стороны властных структур к литературе: *вообразить Медведева и Путина на творческом вечере Владимира Маканина... Это ж мозг может обрушиться!* и участия, осмысленности, но цензурности, которое было в прошлом: *Николай Первый выступал в качестве личного цензора Пушкина. Сталин писал на полях сочинений Андрея Платонова «Сволочь!»*⁷⁸. Здесь ценность и антиценность воплотились в одной константе «свобода слова», но с разными пониманиями. Ценность в том, что осмысленно и допущено, и антиценность в том, что забыто и брошено: *Единственный минус той демократии, что мы наблюдаем сегодня вокруг себя, только один. Сказать ты можешь вполне. О себе, о Родине, о будущем, о власти... О чем угодно. Просто их нисколько не волнует, что ты скажешь*. Таким образом, актуализируя неразрывно связанную с литературой тему свободы слова, Захар Прилепин репрезентует свое понимание ценностного содержания литературного творчества: *литература (и не только она) перестала восприниматься властью как занятие, определяющее смысл бытия и значимое в контексте реального управления страной*.

Эффективность предлагаемой Прилепиным репрезентации ценностных представлений зависит не только от его включенности в современную

⁷⁸ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

общественную ситуацию, но и от принадлежности миру литературы. Захар Прилепин как филолог и профессионал речи демонстрирует, с одной стороны, включенность в современный литературный процесс, анализируя Д. Быкова, Э. Лимонова, Л. Улицкую и др., а с другой – огромную историко-литературную культуру, проявляющуюся в размышлениях о ценностном содержании писательского труда, о писательских взаимоотношениях. Например, в статье «Давайте объяснимся. Пара слов о лени» З. Прилепин аргументирует оценочные суждения, противопоставляя М. Горького и И. Бунина, отмечая, что *первый неустанно возился с авторами и в итоге многих вывел в люди, а второй – никем никогда не занимался*⁷⁹. Рассуждая о патриотизме и об образе народа в статье «Публицист и К», З. Прилепин анализирует подход Дмитрия Быкова, утверждавшего, что Шолохов не для народа с его антипатриотизмом: *«Патриоты, откажитесь от Шолохова. Он – не ваш»*. На это Захар Прилепин обращается к истории литературы и проводит сравнительный анализ творчества М. Шолохова, А. С. Пушкина, В. Распутина. На основании анализа З. Прилепин отбирает нужные литературные сюжеты и говорит о том, что изображение русского народа откровенно, местами грубо и без прикрас – это не антипатриотизм, а черта русской литературы: *«В «Капитанской дочке» детей вешают, жрут друг друга поедом у Лескова и Тургенева, а что творится в чеховских «Мужиках» и «...оврагах» – не приведи Бог во сне увидеть. Да и Валентин Распутин не пасторали рисует. Тоже все не наши? Чьих будете, классики?»*⁸⁰.

Анализируя творчество Дмитрия Быкова, З. Прилепин создает площадку для дальнейших дискуссий, в частности, за счет риторических конструкций, в которых не только актуализирует классическую литературу, но и обращается к «вечным» вопросам, позволяющим формировать ценностную константу

⁷⁹ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

⁸⁰ Прилепин З. Указ. соч. С. 89.

«патриотизм». Погруженность в мир литературы, с одной стороны, позволяет Прилепину выстраивать систему аргументации, с другой – репрезентовать ценностное суждение – в данном случае, о русском народе, его образе жизни и душе. Обращаясь к литературе, к её истории, анализируя творчество эмигрантов, Захар Прилепин говорит о русском языке как о ценности. Репрезентация этой ценности находит свое выражение в рецензии творчества Гайто Газданова «Русский язык без почвы не жилец», в которой публицист открыто выражает свою позицию: *Русский – не иврит. Он в неволе не живет*⁸¹. Систему аргументации Прилепин выстраивает за счет обращения к фактам из истории эмигрантской литературы, отмечая, что *«русские эмигранты уже к третьему поколению забывают родную речь»*. Ценность русского языка для Прилепина заключается в ценности самой России, потеря первого неизменно приведет к потере русской земли и русского человека: *надо держаться за свою землю всеми пальцами: нет ни у нас, ни у нашего языка иного пристанища*⁸².

Захар Прилепин как профессионал речи понимает прямую связь принципов отбора объектов репрезентации с авторской позицией, соответственно, с текстовым выражением категории авторства и с особыми взаимоотношениями с адресатом, которые влияют на оригинальность набора применяемых контактоустанавливающих средств. Отбор фактов позволяет автору имплицитно воздействовать на аудиторию. Начиная с мнения-суждения, рассуждения, объяснения, автор заканчивает повествование репрезентативом – констатацией *«мы погрязли во зле и в подлости и нас кто-то должен наказать»* («Давайте объяснимся. Пара слов о лени», 2009), *«Русский – не иврит. Он в неволе не живет»* («Русский язык без почвы не жилец», 2009) и директивом – побуждением адресата к действию, формированию установки *«Учитесь свободе у этих пацанов. Они уже знают, чего она стоит»* («Лимонка в тюрьму», 2012),

⁸¹ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

⁸² Прилепин З. Указ. соч. С. 95.

«Надо держаться за свою землю всеми пальцами: нет ни у нас, ни у нашего языка иного пристанища»⁸³ («Ведем речь. Русский язык без почвы не жилец», 2009). Автор стремится реализовать свою основную интенцию – убеждение, путем обращения к фактам, логическим рассуждениям, а также путем включения в повествование читателя.

Таким образом, в литературно-критических статьях Захар Прилепин осваивает одновременно две площадки – литературную как писатель, и журналистскую как аналитик и публицист. В литературно-критических статьях Прилепин формирует собственную ценностную систему – аксиосферу, в которую входят: русский язык, патриотизм, семья, история, честность, труд. Эти концепты автор репрезентует как журналист и писатель одновременно, что определяет феноменальность прилепинской публицистики. По ключевым характеристикам литературно-критические статьи Захара Прилепина соответствуют сразу двум типам критики: писательской, созданной мастером слова, филологом, и читательской, ориентированной на широкую аудиторию, посвященную актуальной общественной ситуации.

2.3. Номинация как ключевое средство репрезентации ценностных представлений

Второй этап аксиологической репрезентации объекта рецензирования в литературно-критических статьях Захара Прилепина, на наш взгляд, предполагает концептуализацию ключевых номинаций объектов рецензирования. Под номинацией в рамках данной работы мы понимаем всю совокупность средств и способов называния объектов, явлений окружающей действительности⁸⁴. О. С. Иссерс отмечает, что номинация – это то, что позволяет

⁸³ Прилепин З. Указ. соч. С. 148.

⁸⁴ Серебренников Б. А. Языковая номинация. М., 1977. С. 358.

человеку понимать окружающий мир. Однако в то же время, это то, что ограничивает наше видение, так как при назывании какого-либо предмета, могут быть упущены его отдельные свойства или характеристики⁸⁵. Соответственно, при номинации субъект речи может намеренно сделать акцент на том, что кажется ему принципиально важным, или что, по его мнению, должен понять адресат.

Особенность номинации в тексте литературно-критической статьи Захара Прилепина заключается в её вариативности, которая определяется коммуникативной ситуацией, участниками общения, то есть условиями речевого акта. Теоретические работы в области языкознания, посвященные проблеме номинации, принадлежат Б. А. Серебренникову, Н. Д. Арутюновой, М. Н. Кожиной и другим. В рамках данного исследования особый интерес представляют работы, посвященные анализу использования вариативных номинаций одного и того же объекта. Н. Д. Арутюнова возможность использовать различные номинации для обозначения одного и того же конкретного предмета называет гетерономинативностью. Под ней понимается введение автором в текст образных опосредованных номинаций объекта, явления для передачи дополнительных смыслов, а также для репрезентации оценки⁸⁶. Гетерономинативность связана с введением в текст не только прямых, предметных номинаций, но и дополнительных – образных.

В современном языкознании выделяют два наиболее важных в тематическом поле типа наименования объекта: предметное и образное⁸⁷. Первое направлено на формирование общих представлений о предмете. Как правило, предметное наименование неразрывно связано с характеристикой

⁸⁵ Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М. 2013. С. 240.

⁸⁶ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 341.

⁸⁷ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М. 2011. С. 696.

определенных признаков, функций, свойств предмета. Например, в статье «Лимонка в тюрьму», 2012 Захар Прилепин анализирует творчество писателей, публиковавшихся в «Лимонке». Первое наименование, которое использует Прилепин: *авторы*, далее предметная номинация начинает обрщаться характерными чертами: *активисты национал-большевистской партии, НБП, нацболы, реальные люди, партийцы, молодые люди, пацаны*. Каждая из следующих за первой номинацией «автор» находится в неразрывной связи с контекстом, так как с использованием нового наименования Прилепин вводит новые смыслы. М. Н. Кожина подобные наименования называет субститутами — неполнозначными вне контекста заместителями базовой номинации.⁸⁸ Таким образом, с постепенным развитием мысли Прилепин переходит от нейтральной номинации «актеры» к эмоционально-оценочной: «*реальные люди*», «*партийцы*», «*молодые люди*» и просторечию: «*пацаны*». Параллельно с одной цепочкой наименований Захар Прилепин запускает вторую, значение которой оказывается диаметрально противоположным. Прилепин противопоставляет писателям-нацболам «*либеральную интеллигенцию*» — это первичное наименование, которое изначально соотносится только с политическими убеждениями. Далее Захар Прилепин называет эту группу людей: *крикливые чистоплюи, вялые эстеты* — как и в предыдущем случае, Прилепин от нейтральной лексики переходит к оценочной, в данном случае — к отрицательно-оценочной. Созданная Прилепиным цепочка наименований организует смысловую структуру текста и формирует ценностную константу — «патриотизм», который красной нитью проходит через весь текст: «*Родина, честь, правда — все эти, знаете ли, смешные и устаревшие слова по-прежнему ценны для кого-то*». Таким образом, Захар Прилепин через анализ литературного творчества репрезентует ценностное содержание писательского труда,

⁸⁸ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. 2011. С. 696.

выражающееся в любви к Родине и честности, здесь же Прилепин формирует и антиценности – жестокость и безграничная власть, которые выражаются за счет образных наименований: *преследование, слежка, пытки, зверская пенитенциарная система*. Для репрезентации этих ценностных установок в литературно-критических статьях Захар Прилепин создает лексико-семантическое поле, в котором раскрываются все «оттенки» значений той ценности или антиценности, которую он репрезентует. Под лексико-семантическим полем в данной работе мы понимаем совокупность лексических единиц, «объединенных инвариантным значением» и направленных на формирование определенной понятийной сферы⁸⁹. Лексико-семантическое поле позволяет автору передать все необходимые оттенки смысла в репрезентуемой языковой картине мира. Для репрезентации ценности «свобода и патриотизм» Захар Прилепин использует номинации: *список безбашенных, преисполненных мужества поступков, стремление к правде и справедливости* – в значении этих слов отчетливо присутствует эмоционально-оценочный компонент, и за счет положительной семантики использованных выражений Захар Прилепин репрезентует нужную ему ценностную установку. Эффективность репрезентации в данном случае также зависит от введения противоположного смысла при репрезентации антиценности: *уродливые приметы, якобы демократическая политика*. Использование отрицательно-оценочных и разговорных форм обеспечивают ясность при репрезентации ценностных установок за счет формирования единой площадки для спора и обсуждений. При помощи риторических выражений («*И таких людей, смею предположить, вы тоже давно не встречали – или не встречали вообще. <...> Учитесь свободе у этих пацанов*⁹⁰») Прилепин включает в обсуждение своего читателя, и это, на наш взгляд, формирует широкий коммуникативный потенциал

⁸⁹ Серебренников Б. А. Языковая номинация. М., 1977. С. 358.

⁹⁰ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

его произведений, обеспечивает эффективность репрезентации ценностных представлений.

Таким образом, интерпретация литературной ситуации в критических статьях Захара Прилепина соединяется с интерпретацией жизни, а познание литературных произведений соединяется с познанием общества – это феноменологическая особенность литературно-критической статьи как аксиологического жанра, особенность, реанимируемая Захаром Прилепиным.

Особенность выстраивания номинативной цепочки в литературно-критических статьях Захара Прилепина заключается в тематическом тождестве номинаций, то есть меняя наименования, Прилепин не изменяет, а только уточняет смысл. Так, в статье «Давайте объяснимся. Пара слов о лени» Захар Прилепин сначала указывает на то, как привыкли называть ленивых людей: *приятное существо, незлобливое, очаровательное*, после выражает свое отношение к таким людям, называя их: *эти люди, ленивые люди, пакостные типы, мнительные, истеричные*. В статье Захар Прилепин использует слова, в стилистическом значении которых отчетливо присутствует эмоционально-оценочный компонент: *подлость, злость, ужасающий*. Помимо этого, Прилепин фиксирует свое отношение к объекту с помощью отрицательно-оценочных, даже инвективных номинаций: *отвратительный, гнойник*; просторечных и бранных: *упыри, ублюдок, мерзость*.

Захар Прилепин в первой номинации *ленивые люди*, использует нейтральные общеупотребительные слова, которые непосредственно направлены на обозначение предмета, а после вводит лексически новые номинации, которые, во-первых, определяются индивидуальными авторскими установками, во-вторых, соответствуют требованиям того стиля, в рамках которого существует текст, и в-третьих, определяют семантическое и синтаксическое разнообразие, которое направлено в тексте на конкретизацию смысла.

В статье «Давайте объяснимся. Пара слов о лени» Захар Прилепин предлагает общую оценку сложившегося положения дел: *«мы погрязли во зле и подлости»*. Зло и подлость – в данном случае ключевые слова, смысл которых концептуализирован автором, включен в лексико-семантическое поле лени, формирующее основной тезис статьи. Возвращаясь к литературе, Прилепин пишет о том, что ленивый человек не может творить, ему: *«Лень читать хорошие книги и лень писать их»*⁹¹.

В статье «Русский язык без почвы не жилец» (2009) Захар Прилепин оценивает русскую литературу как ценность, влияющую на сохранение русского языка. Свое отношение Прилепин выражает просто: *«Русский не иврит. Он в неволе не живет»*⁹². Иврит и в неволе в данном случае являются главными номинациями, включенными в лексико-семантическое поле «русский язык», так как за счет них репрезентуется ключевая тема рецензии. Особенность номинации в данном случае заключается в её неразрывной связи с контекстом, так как слова «иврит» и «в неволе» несут соответствующий смысл только в данной рецензии, и номинация здесь образная, а не предметная. Обращаясь к литературе, Прилепин аргументирует свою позицию: *«Русские эмигранты уже к третьему поколению забывают родную речь»*.

Таким образом, особенность номинации объектов рецензирования в литературно-критических статьях Захара Прилепина характеризуется, с одной стороны, использованием антиномичных номинаций, а с другой – широким арсеналом речевых средств и приемов, которые направлены на трансляцию авторского замысла.

На наш взгляд, специфика антиномичных номинаций заключается:

⁹¹ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

⁹² Прилепин З. Указ. соч. С. 212.

- В установке на детализацию, уточнение авторской оценочной позиции. За счет противопоставления одной ценности другой Прилепин репрезентует актуальные ценностные представления.
- В диалогичности литературно-критических статей Прилепина, реализующейся за счет использования риторических конструкций при создании дуальной системы ценностей и антиценностей.
- В стилистическом многообразии: Прилепин в рамках одного жанра с успехом использует разностилевые элементы: например, инвективную, разговорную и стилистически нейтральную лексику.

Другая особенность номинаций объектов рецензирования – формирование ценностных представлений за счет номинаций-обращений. Н. Д. Арутюнова в работе «Номинация и текст» пишет о том, что особенность номинации-обращения заключается в открытом выражении отношений между говорящим и адресатом за счет номинаций субъективно-оценочного типа⁹³. В тексте номинации-обращения могут быть релятивными, то есть обозначать отношения между автором и читателем: *читатель, нам* («Русские вопреки Путину», 2012), *вы, наши* («Лимонка в тюрьму», 2012), *не согласные со мной, мы, вас, вы, вам* («Давайте объяснимся. Пара слов о лени», 2009), *ребята, наше* («По классике. Есенин», 2011), *взрослые люди* («Я буду жить до старости, до славы», 2012), *моя родная, ты* («Хэмингуэй», 2012), *господа, вы* («Марш, марш правой!», 2011). Особенность такого типа номинаций в статьях Захара Прилепина заключается в открытом обращении к аудитории, в большинстве случаев на «ты», а также деления аудитории на «своих/чужих». В результате таких номинаций достигается интенсификация воздействия на читателя за счет интимизации общения, автор раскрывает свое внутреннее состояние, через обращение к

⁹³ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 341.

аудитории: *я вас тоже терпеть не могу* («Давайте объяснимся. Пара слов о лени», 2009).

Особенность литературно-критических статей Захара Прилепина заключается в том, что трансляция внутренних переживаний автора осуществляется напрямую. Приведем пример из литературно-критической статьи «Теперь мы будем жить отдельно», 2012: *«Единственный минус той демократии, что мы наблюдаем сегодня вокруг себя, только один. Сказать ты можешь вполне. О себе, о Родине, о будущем, о власти... О чем угодно. Просто их нисколько не волнует, что ты скажешь⁹⁴»*. Захар Прилепин, рассуждая о свободе прессы, формирует представление о свободе писателя как о ценности и безразличии со стороны власти как об антиценности. Для Прилепина важно показать, что эти два совершенно разных явления сегодня многими воспринимаются как тождественные. Свобода как ценность, по Прилепину, находится в неразрывной связи с *Родиной, будущем, демократией*, в то время как безразличие автор репрезентует через создание единой эмоциональной базы с читателем: он использует местоимение *ты* в одном предложении с *не волнует*, таким образом объединяя свои переживания за положение современной литературы с ощущениями читателя. Эффективность здесь же достигается за счет синонимичного ряда номинаций, которые формируют лексико-семантическое поле «свободы»: *О себе, о Родине, о будущем*. Такого рода номинации, на наш взгляд, являются неотъемлемой чертой прилепинской публицистики и критики. Так, за 7 лет до написания предыдущей статьи Прилепин публикует эссе на тему «Такой президент нам не нужен», 2005 г., также посвященное теме родины и патриотизма. В этой статье Прилепин оценивает произведение Эдуарда Лимонова: *«В общем, книга предназначена для иностранцев. Пусть они переводят ее на свои иностранные языки*

⁹⁴ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

*и пугаются. У нас здесь никто ничего давно не боится: ни легкомысленных жен, ни зверских повадок в управлении страной»*⁹⁵. Здесь интимизация общения достигается за счет создания единой исторической памяти, Прилепин сближает себя с аудиторией, подчеркивая общее восприятие действительности с помощью местоимений «мы, у нас» (одна из наиболее частых номинаций аудитории у Прилепина) и противопоставления «они».

Именно такого типа взаимоотношения автора и читателя заставляют говорить об интимизации общения как о риторическом приеме. О разных возможностях текстового воплощения образа автора-публициста писал Г. Я. Солганик: «Автор, используя специальные приемы интимизации, стремится выглядеть близким читателю человеком, «своим парнем»⁹⁶. В литературно-критическом дискурсе интимизация позволяет автору реализовать комплекс задач, направленных на формирование представлений, мнений у читателя, провоцирующих эмоциональные состояния, схожие с авторскими.

Другая особенность номинаций в тексте литературно-критической статьи Захара Прилепина заключается в назывании авторов рецензируемых произведений. Н. Д. Арутюнова пишет об особой категории номинаций – гипокористик, или уменьшительно-ласкательных, фамильярных, увеличительных форм имен собственных⁹⁷. Особенность такого рода номинаций заключается в выражении не только личного отношения к оцениваемому автору, но и в репрезентации социальных отношений Прилепина и другого субъекта.

Например, в рецензии «Такой президент нам не нужен», 2005 Захар Прилепин оценивает творчество Эдуарда Лимонова и с первых строк заявляет: *Он, несомненно, мужественный человек, великий писатель, и закроем тему.* С самого начала Прилепин репрезентует в статье уважительное отношение

⁹⁵ Прилепин З. Указ. соч. С. 194.

⁹⁶ Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. Монография. М. 2010. С. 136.

⁹⁷ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 341.

к Лимонову, и впоследствии это находит свое отражение в номинациях: *Эдуард Вениаминович, Лимонов*. Такого рода обращения отражают, с одной стороны, личные взаимоотношения Прилепина и Лимонова, а с другой стороны, их социальные взаимоотношения как коллег-писателей, на что в статье также указывает Прилепин: *«Эдуард Вениаминович – здесь я безо всякой иронии – повлиял на меня так сильно, что не избавиться мне от его влиянья всю жизнь, да я и не собираюсь»⁹⁸*.

Подобная номинация встречается в другой статье Прилепина «Публицист и К» 2011, в которой автор рецензирует произведения Дмитрия Быкова. С первых строк в рецензии чувствуется теплое и уважительное отношение Прилепина к Быкову, которое выражается в однообразном использовании только двух номинаций: *Дмитрий Львович* и *Быков*. Особую номинацию автора мы встречаем в статье «Марш, марш правой!», 2011. Оценивая творчество Германа Садулаева, Захар Прилепин с первых слов называет его по имени: *Герман*, далее по тексту чередуется только имя или только фамилия – *Садулаев*. Однако особенность номинации в этой статье заключается в имитации диалога Прилепина с аудиторией и Садулаевым одновременно. Подражая разговорной речи, Прилепин использует такие номинации в адрес Германа Садулаева как *«недобитая чеченская сволочь»*, *«растленный питерский сочинитель»*, *«лузер»*, *«левак и маргинал»*. Несмотря на то, что в этих номинациях Прилепин использует отрицательно-оценочную, разговорную и инвективную лексику, у читателей не формируется негативного отношения к Герману Садулаеву, так как, вводя новую номинацию, Прилепин её объясняет, причем объяснение оказывается диаметрально противоположным использованному имени. Например: *«Вроде бы хочется ответить: а кто тебе право дал, недобитая чеченская сволочь, повышать голос на моих русских братьев? Но вообще Герман на русском*

⁹⁸ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

говорит и пишет лучше всякого русского националиста, да и мама у Германа русская и к тому же преподавала литературу в Чечне. Отчего бы ему не высказаться? Приходится слушать»⁹⁹. Таким образом, использованная З. Прилепиным в статье отрицательная номинация осуществляет не только номинативную функцию, но и прагматическую, выступая в качестве доказательства, подтверждения репрезентуемой оценки.

Противопоставление отрицательных номинаций и положительных суждений является отличительной чертой речевого поведения З. Прилепина. Так, в статье «Хочу быть бедным» 2011, посвященной творчеству Льва Пирогова, Прилепин ни разу не назвал автора по имени, по фамилии – пять раз, все остальное время он использовал оценочные номинации: *неприятный человек, насупленный тип, критик, пренеприятнейший человек, фигура*. Однако параллельно с этими наименованиями Прилепин указывал на личный интерес к произведениям Д. А. Пирогова: *Надо бы еще почитать. Еще одну статейку, и все. Последнюю, и все*. Такого рода номинации позволяют Прилепину не только выражать свое оценочное суждение, но и обеспечивать его эффективность – подобные противопоставления отражают внутренние переживания автора, демонстрируют искренность выражаемых оценочных суждений.

Подводя итоги, хотим отметить, что эффективность репрезентации ценностных представлений в тексте литературно-критической статьи как аксиологического жанра заключается:

- В том, что в процессе оценивания автор интерпретирует не только произведение, но и реальность, воплощенную писателем. В процессе интерпретации неизбежно транслируются авторские ценностные установки.

⁹⁹ Прилепин З. Указ. соч. С. 279.

- Процесс интерпретации неразрывно связан с общественно-исторической ситуацией, так как репрезентуемые оценки находятся в прямой связи с современностью.
- Эффективность процесса оценивания связана с личностью рецензента. Результативность деятельности критика определяется читательской реакцией.

В процессе анализа литературно-критических статей популярной сегодня медиаперсоны – Захара Прилепина – мы определили уникальный авторский алгоритм текстопорождения, который включает в себя несколько этапов, в частности - отбор и номинацию объектов рецензирования. Особенность отбора объектов рецензирования у Прилепина определяется, во-первых, индивидуальностью автора: Захар Прилепин отбирает объекты для оценивания как журналист и аналитик, как писатель и как профессионал речи, филолог, во-вторых, при отборе Прилепин выстраивает дуальную систему ценностей и антиценностей, на основании которых репрезентует оценочное суждение. Особенность номинации объектов рецензирования заключается в использовании слов, в стилистическом значении которых отчетливо присутствует эмоционально-оценочный компонент.

На наш взгляд, указанные нами этапы авторского алгоритма текстопорождения, который определяет феноменальность речевой формы литературно-критических произведений Захара Прилепина, обеспечивают интерес массовой аудитории к репрезентуемым ценностным представлениям.

Глава 3. Творческий опыт Захара Прилепина

1.1. Воздействующий потенциал антиномии

Третий этап аксиологической репрезентации объекта рецензирования в литературно-критических статьях Захара Прилепина связан с созданием дуальной системы ценностей и антиценностей – антиномии.

Под антиномичностью в современном языкознании понимают диалектическое совмещение, гармонию противоположностей¹⁰⁰. Рассуждая об антиномиях, О. А. Крылова определяет их как противоречия, свойственные самому языку как феномену и являющиеся внутренними стимулами его развития¹⁰¹. Особенность антиномии в тексте литературно-критической статьи заключается в осмыслении объектов рецензирования в их противопоставлении с другими объектами. Репрезентация ценностных представлений в данном случае заключается в построении иерархичности, разделении оцениваемых объектов на главные и второстепенные на основании авторских ценностных установок.

Так, в статье «Лимонка в тюрьму» Захар Прилепин обращается к теме патриотизма, анализируя творчество писателей – представителей национал-большевистской партии (НБП). Для репрезентации ценностных представлений Прилепин выстраивает цепочку противозначных объектов, за счет которых репрезентуются ценностные константы. Автор начинает литературно-критическую статью с противопоставления национал-большевистской партии экстремистским организациям: *НБП запрещена в России как экстремистская организация, хотя в результате ее деятельности никогда ни один посторонний человек не пострадал*. Первое оценочное суждение автор вводит, используя

¹⁰⁰ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. 2011. С. 696.

¹⁰¹ Крылова О. А. Современные проблемы филологии. Учебное пособие. М., 2008. С. 243.

чужую речь, которая выражает общепринятое негативное суждение о НБП, однако, далее Прилепин опровергает это суждение, противопоставляя ему жизнь партийцев: *многих давили, кого-то неизвестные, но хорошо подготовленные прохожие били на улицах, кому-то смысленные и бесстыдные опера подбрасывали патроны и наркоту.*

За этим следует цепочка противопоставлений: *либеральная интеллигенция/нацболы; крикливые чистоплюи, вялые эстеты/реальные люди, сидевшие за свободу; якобы демократическая партия/ нацболы; pr-технологии/ истинная политика, безбашенные, преисполненные мужества поступки; 3 часа/170 лет; смешные, устаревшие слова/ Родина, честь, правда; предмет стеба/героизм.* Первые наименования – это лексемы, репрезентующие антиценность – лжепатриотизм. Репрезентация оценочного суждения на этом уровне реализуется за счет отрицательно-оценочной лексики, лексем, выражающих сомнение, образных наименований, негативная семантика которых определяется контекстом. Лжепатриотизму Захар Прилепин противопоставляет как ценности свободу и патриотизм, которые репрезентуются за счет эмоционально-окрашенной лексики, использования фактуальной численной информации (*В общей сложности активисты НБП отсидели 170 лет в тюрьмах. Три человеческие жизни*), риторических восклицаний (*Чувствуете, какой вес у этих цифр?*). Особенность построения антиномий у Прилепина, на наш взгляд, заключается в том, что все отобранные для выражения авторского отношения объекты, являются второстепенными и подводят к главной ценностной константе, которая в тексте представлена парой: *тюрьма/свобода.* Намеренно отобранные Прилепиным объекты включаются в сложный образ, который впоследствии обеспечивает эффективность транслируемой ценностной установки.

Как мы уже говорили ранее, особенности отбора объектов рецензирования обусловлены индивидуальностью Захара Прилепина. Прилепин обращается

не только к актуальным, общественно-значимым вопросам как публицист и оперирует своим литературным творчеством как писатель, но и использует литературоведческие знания как филолог. Это определяет и специфику построения антиномичных цепочек в его литературно-критических статьях.

Например, Захар Прилепин в статье «Давайте объяснимся. Пара слов о лени», сначала указывает на сложившееся в обществе стереотипное понимание лени: *ленивый человек – в сущности приятное существо, незлобивое и в чем-то даже очаровательное*. Далее выражает свою точку зрения: *ленивые люди сплошь и рядом – мстительные, истеричные, пакостные*. Аргументирует автор свою позицию собственным коммуникативным опытом: *на Быкова невыносимо смотреть людям ленивым ..., которые ничего не успевают...или никому в конечном счете не нужны*. В качестве аргумента Прилепин использует факты из мира литературы и репрезентует понимание лени через анализ ценностного содержания писательского труда, писательских взаимоотношений, он противопоставляет Горького и Бунина, первый – *неустанно возился с авторами и в итоге многих вывел в люди*, а второй – *никем никогда не занимался*. Особенность создания антиномии в данном случае заключается в том, что Прилепин сначала указывает на то, с чем он не согласен и выражает свою оценку с помощью лексики – отрицательно-оценочной (*мстительные, истеричные, пакостные*) и положительно-оценочной (*неустанно, хорошие, успешные*); союзов и слов с противопоставительным значением (*не, а, но, однако, наоборот*); средств, выражающих семантику согласия или отрицания (*нет, казалось бы, надо согласиться, конечно же, терпеть не могу*).

За счет использования средств выражения противопоставления Захар Прилепин отбирает связанные с концептом лени объекты, связывает их с литературным творчеством, и таким образом презентует массовому читателю определенную систему ценностей через две цепочки оцениваемых или имеющих ценностное содержание объектов. Первая цепочка представляет из себя

взаимосвязь следующих элементов: лень/ «Обломов» – безразличие/ «Бунин» – возмездие/ «власть» – рабство/ «налоги, подати, оброк». Вторая цепочка: труд/ «Быков» – благодетель/ «Горький» – справедливость/ «отвечать за...» – свобода/ «ощущение бытия».

Антиномичные пары у Прилепина противопоставляются не на основе своего прямого значения, зафиксированного в толковых словарях, а за счет того смысла, который в них вкладывает автор. Об использовании приема контраста, основанном на противопоставлении двух или нескольких объектов, писала М. Н. Кожина. Она отмечала, что создание противозначных концептов является характерной особенностью публицистических текстов¹⁰². Характеризуя специфику такого рода противопоставлений, М. Н. Кожина разделяла контраст на расчлененный и нерасчлененный. Последний – простое противопоставление двух субстанций, например, *лень* и *трудолюбие*. В то время как под расчлененными подразумевают последовательное противопоставление отдельных признаков и черт различных явлений или событий¹⁰³, например, *крикливые чистоплюи* и *реальные люди*.

Анализ антиномий в литературно-критических текстах Захара Прилепина показал, что для репрезентации ценностных представлений Прилепин использует в большей степени расчлененные контрасты, так как, противопоставляя объекты, Прилепин за счет системы аргументации характеризует оцениваемое явление с разных сторон. В случае со статьей «Давайте объяснимся. Пара слов о лени» Захар Прилепин репрезентует контраст писательского творчества, успеха в жизни, отношения к самому себе и окружающим. Об использовании Прилепиным расчлененных контрастов свидетельствует и частое использование повторов: *меня раздражает, нет тебя раздражает, такое не может не*

¹⁰² Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М. 2011. С. 696.

¹⁰³ Там же.

раздражать. М. Н. Кожина обнаруживает эффективность использования повторов при противопоставлении в их экспрессивности¹⁰⁴.

Рассматривая потенциал антиномии в прилепинских статьях на лексическом уровне, мы отметили использование символов добра и зла, свободы и подчинения и так далее. Например, в расчлененных противопоставлениях: *предмет стеба/героизм* («Лимонка в тюрьму»), *русские националисты/патриоты* («Марш, марш правой!»), *живые люди/литературные герои* («Пойду на грозу, покажу ей козу») и в нерасчлененных: *тюрьма/свобода* («Лимонка в тюрьму»), *имитация/настоящий труд, фальшь/реальность* («Пойду на грозу, покажу ей козу»). О. С. Иссерс называет такую лексику идеологически нагруженной¹⁰⁵. К этой лексической группе относят все слова, в которых отражается понимание социумом или автором того, что такое хорошо, а что такое плохо. Так, в статье «Лимонка в тюрьму» Прилепин создает ценностную цепочку: *НБП, нацболы, реальные люди, сидели за свободу, безбашенные, преисполненные мужества поступки, Родина, честь, правда, героизм, свобода*. Автор использует эти синонимичные ряды для создания полноценного положительного образа, в котором НБП соотносится с ценностными константами *свобода* и *героизм*. Эта лексика идеологически окрашенная и, на наш взгляд, используется автором в качестве воздействующего компонента.

О. С. Иссерс считает, что лексика данного уровня также направлена на размежевание «своих» и «чужих», не только укрепляя при этом идеологическую основу государства, к примеру, но и формируя тем самым этические и культурные ценности, что является основополагающей функцией

¹⁰⁴ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. 2011. С. 696.

¹⁰⁵ Иссерс О. С. Указ. соч. С. 216.

художественно-публицистических текстов¹⁰⁶. «Своих» и «чужих» Захар Прилепин разделяет точно, за счет частого использования этого приема он соотносит свои переживания, мысли, идеи и, самое главное, ценностные установки с читательскими. Ранее мы уже говорили о том, что Прилепин интимизирует коммуникацию с читателем на уровне отбора объектов рецензирования. Однако при создании антонимичных цепочек Прилепин интенсифицирует это разделение за счет последовательного развития ценностных концептов и их номинаций.

Например, в эссе «Марш, марш правой!» Захар Прилепин анализирует публицистическое творчество Германа Садулаева, посвященное России и русскому национализму. Тема произведения определила и ценностный концепт – патриотизм, который репрезентует Прилепин в процессе оценивания. Садулаев становится «своим» потому, что болеет за страну: рассуждает о *домах престарелых, фальшивой экономике, социальной политике*. Особенность антиномичной цепочки здесь заключается в том, что «своего» Прилепин называет при помощи экспрессивной, инвективной, отрицательно-оценочной лексики: *сволочь недобитая, растленный питерский сочинитель, лузер, левак, маргинал*. На наш взгляд, Прилепин намеренно использует инвективные и разговорные стереотипы: ироничная интонация, достигнутая за счет использования лексем с переносным значением, интенсифицируется опровержением от самого Прилепина:

Вроде хочется ответить: кто позволил тебе, лузер, повышать голос на лучшую из возможных социально-экономических формаций? Может, ты это делаешь потому, что кому-то удалось обналчить кэш, а тебе, леваку и маргинулу, нет?

¹⁰⁶ Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М. 2013. С. 240.

Но вообще Герман получил самое что ни на есть капиталистическое образование, ведет самый что ни на есть капиталистический бизнес, и еще один капиталистический бизнес ведет его жена. Отчего б ему не высказаться? Приходится слушать¹⁰⁷.

Таким образом, в статье «Марш, марш правой» Прилепин создает антонимичную цепочку в рамках одного оцениваемого объекта – Садулаева: *недобитая сволочь/на русском говорит и пишет лучше всякого русского националиста; лузер/бизнесмен; я говорю/ты размышляешь*. Особенность этого приема заключается в том, что:

- Прилепин явно не указал на антиценность – русский национализм, но оценка присутствовала при оценивании личности и деятельности самого Садулаева.
- Эффективность репрезентации нужного Прилепину образа Садулаева определяется тем, что автор сам определил рамки «добра и зла», выступил «судьей» писателя.
- Ироничная манера высказывания имплицитно, но максимально точно транслирует положительное отношение Прилепина к Садулаеву и не требует прямого оценочного суждения.
- Выстроенная Прилепиным система аргументации соответствует актуальной общественной проблематике, что свидетельствует о том, что Прилепин хорошо чувствует и знает своего читателя.

Еще одна особенность антонимии в литературно-критических статьях Захара Прилепина заключается в использовании ответно-вопросительных конструкций, которые в семантике содержат контраст. В вопросе можно указать на те явления, которые аудитория могла не заметить, или которых не существует вовсе. Так, в эссе «Марш, марш правой!» З. Прилепин использует

¹⁰⁷ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400

вопросительные конструкции (*Вроде хочется ответить: кто позволил тебе, лузер, повышать голос на лучшую из возможных социально-экономических формаций?*) с расчлененными лексемами, которые характеризуют оцениваемый объект с разных сторон. Характеризуя особенность вопросной формы, О. С. Иссерс пишет, что «в публицистике, PR и рекламе риторический вопрос – эффективный прием речевого воздействия, поскольку создает иллюзию диалога с адресатом, а по сути навязывает определенное видение ситуации, ее оценку»¹⁰⁸. Риторическое высказывание в публицистическом тексте становится основным приемом создания диалогичности. Под диалогичностью мы понимаем взаимодействие в тексте двух или нескольких смысловых позиций¹⁰⁹, создание многоголосья за счет включения читателя в авторский монолог.

Диалогичность – одна из двух идей, под влиянием которой формируется феноменальность публицистического стиля речи. Идея эта была высказана В. Г. Костомаровым в 1973 году. Он писал о том, что мощной воздействующей силой обладает экспрессивная лексика. Переплетение в тексте стандартных приемов с эмоционально-окрашенной лексикой обеспечивает публицистическому произведению высокую эффективность.

За прошедшие десятилетия стилистика возвращалась к разработке этой идеи не один раз. Итоговой в определенном смысле для этого направления является монография Л. Р. Дускаевой, в которой описана система контактоустанавливающих средств, при создании которой задействованы все языковые уровни: лексический, морфологический, синтаксический, фонетический, текстовый¹¹⁰.

Диалогичность публицистического текста, как утверждают исследователи, формируется за счет включения в повествование читателя. И. Н. Борисова

¹⁰⁸ Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М. 2013. С. 240.

¹⁰⁹ Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб. 2012. С. 274.

¹¹⁰ Дускаева Л. Р. Указ. соч. СПб. 2012. С. 173.

выделила классификацию речевых поступков, которые определяются целью говорящего: директивы (побуждение адресата к действию), комиссивы (принятие обязательств на себя), экспрессивы (самовыражение адресанта), вердиктивы (оценочное мнение и мнение-суждение), репрезентативы (оперирование информацией), коммуникативные регулятивы (связанные с «организационными» аспектами взаимодействия)¹¹¹. На наш взгляд, эти речевые поступки определяют воздействующий потенциал антонимичных высказываний в литературно-критических текстах Захара Прилепина.

Диалогичность текста, создаваемая при помощи вопросительных конструкций, формирует отношения между автором и читателем. Определяющая черта текста как коммуникативной единицы его адресованность, то есть возможность соотноситься с реальным адресатом, в данном случае, мы имеем ввиду аудиторию З. Прилепина. Так, в эссе «Марш, марш правой!» Захар Прилепин использует риторическую конструкцию директива: *Отчего б ему не высказаться? Приходится слушать.* За счет вопросно-ответной формы он побуждает адресата принять авторскую точку зрения. Усиливается прием за счет повторов – Прилепин использует именно эту вопросно-ответную конструкцию в статье три раза после каждой оценки, направленной на репрезентацию ценностной установки.

В эссе «Русский язык без почвы не жилец» Захар Прилепин использует риторическую конструкцию с интенцией вердикатива: *Так где ж они были, эти мастера слова? в России? за ее пределами? или их вообще почти не было?* Особенность этих риторических конструкций заключается в том, что оценочное суждение здесь репрезентуется при помощи парцелляции – однородные члены репрезентуют оценочное суждение, содержащееся в вопросе. Для большей эффективности репрезентуемой ценности русского языка Прилепин использует

¹¹¹ Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М. 2007. С. 247.

парцеллированное риторическое высказывание дважды: *Мало ли русских разметало по свету – и что? Где услышать их потомков? На Аляске? В Турции? В Малой Азии, возле озера Маньес, куда в середине XVIII века огромной общиной переселились казаки, успевшие побунтовать при Петре Первом в вольнице смутьяна Кондратия Булавина?* Однако здесь интенция вердикатива меняется на репрезентатив – для аргументации своего суждения Прилепин оперирует информацией, которая направлена на аргументацию мнения о том, что русский язык не живет за границами своей страны.

Подобную интенцию репрезентатива Захар Прилепин реализует и в других литературно-критических статьях. Так, в статье «Пойду на грозу, покажу ей козу» для репрезентации ценностных представлений о мужском характере Прилепин обращается к русской литературе: *А Макаренко с его беспризорниками и их воспитателями? А фантастика от Беляева и Ефремова до ранних Стругацких? А крестьянские саги Алексеева, Проскурина или Иванова? А все остальные альпинисты, подводники и летчики, которые неустанным косяком шли и шли на грозу?*¹¹² При помощи риторических вопросов и перечисления Прилепин противопоставляет литературных героев прошлого современным, тем самым, описывая мужчину тех времен и сегодняшнего. В результате чего выстраивает антиномичную цепочку, транслирующую оценочное суждение: *имитация/ труд, бестолковая жизнь/ мужество и радость жизни, фальшь/ реальность, литературный герой/реальный человек.*

Обращение к русской литературе, истории, фольклору – отличительная особенность творчества Захара Прилепина. Использование в качестве аргументации при репрезентации ценностных представлений известные и понятные широкому кругу лиц прецедентные тексты, на наш взгляд, обеспечивает эффективность транслируемых оценок.

¹¹² Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400

Под прецедентом в современной филологии понимают тексты, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников¹¹³. Ю. Е. Прохоров называл прецедентными текстами – тексты, знание которых символизирует принадлежность к языковой культуре данного этноса, а использование осуществляется в достаточно стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения¹¹⁴. Прецедентный текст выступает одновременно как средство формирования языковой картины мира, индивидуального стиля публициста, языкового образа читателя.

В статье «Русский язык без почвы не жилец» Прилепин, рассуждая о ценности русского языка, создает противоречие за счет прецедентного текста, отсылки к стихотворению С. Есенина:

«Засмеются дикой тарабарщине люди, услышавшие нелепую и невнятную речь: «Гой ты, Русь, моя родная, / Хаты – в ризах образа... / Не видать конца и края – / Только синь сосет глаза. / Как захожий богомолец, / Я смотрю твои поля. / А у низеньких околиц / Звонно чахнут тополя».

И никакого русского возрождения не случится никогда: кому мы нужны, если не нужны самим себе?¹¹⁵».

Реминисценция вступает в семантическое единство с лексемами: *дикая тарабарщина, нелепая и невнятная речь*. Соединяя известный многим отрывок из стихотворения со словами, транслирующими противоположный смысл, Прилепин репрезентует оценочное суждение о ценности языка и о его сохранности.

¹¹³ Пучкова Е. В. Функционирование прецедентных феноменов в газетных заголовках// Ученые заметки ТОГУ. Том 4. № 4. 2013. С. 218-237.

¹¹⁴ Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований. Сборник статей./ Ред. В. В.Красных, А. И. Изотов. М. 1997. С. 229.

¹¹⁵ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

Таким образом, прецедентный текст, с одной стороны, становится особым компонентом при построении антиномичного высказывания, за счет которого имплицитно, на уровне скрытой цитаты вводится оценочное суждение, а с другой – обеспечивает эффективность ценностной репрезентации, так как использование такого рода текстовых вкраплений требует от автора понимания и знания аудитории.

Определил природу текстовой реминисценции А. Е. Супрун. Ученый пишет, что это могут быть: «осознанные и неосознанные, точные и преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. Текстовая реминисценция может представлять собой цитаты, крылатые слова, отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. При текстовой реминисценции может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику»¹¹⁶.

Например, в литературно-критической статье «Марш, марш Правой!» Захар Прилепин использует цитату: «*Почему ты играешь на губной гармошке, а я только в нее дую?*». Особенность данного цитирования заключается в том, что использованный прецедентный текст не относится к привычным, знакомым для той культуры, в рамках которой существует Прилепин и его целевая аудитория, однако, Прилепин не указывает точного автора высказывания: *Как-то Джаггер спросил у Леннона (или наоборот, не так важно)*. На наш взгляд, Прилепин делает это намеренно: если в случае со стихотворением С. Есенина (пример выше) отсутствие автора указывало на то, что Прилепин использует знакомый для своих читателей отрывок, говорит с ним на одном языке, то в данном примере

¹¹⁶ Цит. по Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований. Сборник статей./ Ред. В. В.Красных, А. И. Изотов. М. 1997. С. 229.

отсутствие информации об авторе чужой речи позволяет подчеркнуть незначительность этого факта, так как главная задача цитаты – создание языковой игры. Так, Прилепин, используя синтаксический параллелизм, пишет: *«Почему ты играешь на губной гармошке, а я только в нее дую?» Мне иногда, только отчасти в шутку, хочется спросить у Германа: «Почему я только говорю, а ты еще и размышляешь?»*¹¹⁷. Таким образом, в данном случае прецедентность позволяет автору за счет языковой игры воздействовать на сознание читателя, повысить эффективность репрезентуемых противоречий, антиномий.

Рассуждая об особенности антиномии в публицистических текстах и произведениях СМИ, О. А. Крылова, выделяла антиномию информационной и экспрессивной функций языка. Отличительными чертами стандарта выступают «воспроизводимость, однозначная семантика и, прежде всего, нейтрально-нормативная окраска». В то время как под экспрессией понимаются «маркированные элементы высказывания, отмеченные авторским отношением к содержанию высказывания»¹¹⁸. В рамках данной работы особый интерес к антиномии информационной и экспрессивной функций языка связан с тем, что чередование экспрессии и стандарта, само их противопоставление становится носителем оценочного суждения, информации, за счет которых и осуществляется репрезентация ценностных установок.

Так, возвращаясь к статье «Марш, марш правой!» и использованной Прилепиным цитате: *«Почему ты играешь на губной гармошке, а я только в нее дую?» Мне иногда, только отчасти в шутку, хочется спросить у Германа: «Почему я только говорю, а ты еще и размышляешь?»*, отметим, что репрезентация ценности литературы как интеллектуального искусства осуществляется не только за счет прецедентного текста, но и за счет

¹¹⁷ Прилепин З. Книгочет. М., 2012. С. 400.

¹¹⁸ Крылова О. А. Современные проблемы филологии. Учебное пособие. М., 2008. С. 243.

столкновения стилистических. Первую часть высказывания, без сомнения, можно отнести к информационной, так как она семантически нейтральна, в то время как вторая часть экспрессивна, она выражает авторскую оценку. Прилепин противопоставляет истинную игру, подлинное размышление – разговорам и имитации игры на музыкальном инструменте. На наш взгляд, антиномия в данном случае обеспечивает точную трансляцию авторской ценностной установки.

К разновидностям антиномий в языке О. А. Крылова относил также противоречие письменной и устной речи. Под ним понимается взаимопроникновение элементов письменной речи в устную и наоборот. В результате такого размывания форм появляется особый тип речи – книжно-устная речь, как отмечает В. Г. Костомаров¹¹⁹. В литературно-критических статьях Захара Прилепина контраст книжной и разговорной речи является неотъемлемой чертой: *Знаете, наверное, и не слушайте. Попробуйте на себе, в общем. То есть, грубо говоря, романы его вообще не смешные*, («Бураттини. Фашизм прошел», 2011), *Да тьфу на их представления о здравом смысле, Твою мать!* («Такой президент нам не нужен!», 2005), *Ну хорошо, мерзкая, презирал – но разве об этом речь?* («Место действия: прошлое», 2009). Проникновение разговорных элементов в письменную речь в текстах Прилепина представлено устойчивыми выражениями *грубо говоря*, инвективными высказываниями: *твою мать*, частицами *да, ну* и направлено на выражение оценочного суждения за счет своей экспрессивности, а риторические конструкции, в рамках которых функционируют эти элементы, на наш взгляд, делают речь Прилепина динамичной и обеспечивают эффективность транслируемых оценок.

Таким образом, антиномия в литературно-критических статьях Захара Прилепина представляет собой особую форму осмысления объектов

¹¹⁹ Крылова О. А. Современные проблемы филологии. Учебное пособие. М., 2008. С. 243.

рецензирования, в результате которой создаются дуальные системы ценностей и антиценностей, репрезентующие авторские ценностные установки.

Специфика репрезентации ценностных представлений через антиномии заключается в ряде особенностей:

- Противопоставление оцениваемых объектов осуществляется за счет их разделения на главные и второстепенные на основании авторских ценностных установок.
- Для построения антиномичных цепочек Захар Прилепин использует широкую систему аргументации и примеров, которая строится, во-первых, за счет обращения автора к актуальным проблемам современности; во-вторых – к литературному творчеству; в-третьих, за счет использования литературоведческих знаний.
- Особенность составления антиномичных пар у Прилепина заключается в семантическом разделении объектов. Так, одни объекты противопоставляются на основе их прямого содержания, другие – на основании отдельных свойств и характеристик. Особенность противопоставления в данном случае заключается в субъективном характере, так как семантика использованных слов зависит от того смысла, который в них вкладывает сам Прилепин.
- Для репрезентации ценностных представлений Захар Прилепин при противопоставлении использует идеологически нагруженную лексику, в которой отражается понимание обществом и автором добра и зла.
- При трансляции собственных ценностных установок Захар Прилепин использует приемы интимизации. Автор разделяет аудиторию на «своих» и «чужих», за счет этого повышает эффективность транслируемых оценок.

- Речевой особенностью противопоставлений в текстах является диалогичность, реализуемая за счет вопросно-ответных конструкций. Риторические высказывания включают в повествование читателя и определяют воздействующий потенциал антиномичных высказываний.
- Отличительной особенностью выстраиваемой Прилепиным системы аргументации является использование прецедентных текстов. Они обеспечивают эффективность транслируемых оценок за счет точной адресованности и включенности в антиномический ряд.
- В литературно-критических статьях Захар Прилепин создает языковые контрасты за счет совмещения информационной и экспрессивной функции языка, а также – использования разговорных элементов в письменной речи.

3.2 Речевые средства выражения категории оценочности

Третий этап презентации аксиологических представлений автора литературно-критической статьи – этап отбора речевых средств и приемов для уточнения, детализации авторской оценочной позиции.

Толковый словарь Д. Н. Ушакова определяет понятие «прием» как совокупность средств и ходов, которыми пользуется автор при устройении своего произведения¹²⁰. Таким образом, в рамках данной работы мы будем рассматривать прием как способ построения высказывания или текста, реализующий ту или иную воздействующую тактику.

¹²⁰ Толковый словарь русского языка. // Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М. 1935-1940.

Художественная критика представляет собой особую форму коммуникации автора с аудиторией, в процессе которой на основе интерпретации и оценки медиатекстов оказывается влияние на восприятие медийного содержания массовой аудиторией, а также в целом на представления о материальном и духовном мире. Результативность, успешность формирования новых аксиологических смыслов или консервации традиционных, на наш взгляд, в значительной степени зависит от творческой индивидуальности автора. Следовательно, анализ речевого поведения Захара Прилепина позволит нам выявить систему воздействующих приемов, обеспечивающих эффективность ценностной репрезентации.

Установка на детализацию формируется на нескольких уровнях языка: морфемном, лексическом, синтаксическом. Мы выделили используемые приемы на каждом уровне.

Одним из самых мощных по силе воздействия считается лексико-фразеологический уровень. Эмоционально окрашенные слова и выражения чаще всего используются для передачи отрицательного отношения по отношению к оцениваемому произведению: *патологическое, мучительное внимание к межполовым отношениям* («Срослось. Опять распалось», 2009); *неряшливая книга, догматических носителей занудного здравого смысла* («Такой президент нам не нужен!», 2005), оценивая письма Людмилы Улицкой к Михаилу Ходраковскому, Прилепин открыто выражает отрицательную оценку их содержанию: *Лучше еще раз атаковать мельницу бездарного советского прошлого, Как было бы полезно всерьез подумать на эту тему, хоть ненадолго отвлекшись от советской власти* («Место действия: прошлое», 2009), *Ленивые люди сплошь и рядом – мстительные, истеричные, пакостные типы* («Давайте объяснимся. Пара слов о лени», 2009). Трансляция отрицательной оценки у Прилепина осуществляется как за счет традиционных приемов, таких как эпитеты: *мучительное, неряшливая, бездарного*, так и при помощи метафор:

мельницу бездарного советского прошлого, и однородных членов, усиливающих отрицательную семантику за счет контекста: *патологическое, мучительное*.

Отрицательная коннотация находит свое отражение и при анализе самой личности – автора оцениваемого произведения. Однако особенность оценивания в данном случае заключается в том, что Захар Прилепин никогда не оценивает автора литературного произведения однозначно негативно: отрицательная и положительная оценки равноправно существуют в тексте, характеризуя отдельные черты и свойства автора.

Так, например, в статье «Русские вопреки Путину» Прилепин рецензирует произведение Константина Крылова о власти и русском народе: *Крылов говорит вещи очевидные, которые в силу тех или иных причин не принято произносить вслух – моветон-с* – отрицательная оценка о содержании некоторых идей Крылова выражена за счет использования синонимичных лексем *очевидные и моветон*, одновременное использование которых интенсифицирует негативную оценку. Однако за отрицательной оценкой следует положительная *мы имеем дело с человеком умным, деятельным и полезным для России*, выраженная в традиционных эпитетах: *умный, добрый, полезный*. На наш взгляд, это особенная черта литературно-критического творчества Захара Прилепина – автор в своих оценках всегда стремится к объективности, к комплексной оценке, которая не может быть однозначной.

Например, в статье «По классике», 2011 г. Захар Прилепин рецензирует произведение Олега Лекманова и Михаила Свердловца, посвященное биографии С. Есенина. Здесь важно отметить, что Захар Прилепин питает к поэту любовь с детства: в интервью и на творческих вечерах он рассказывал о том, что долгое время занимается исследованием творчества и жизненного пути своего земляка – Сергея Есенина, об этом же Прилепин говорит и в статье «По классике»: *Я Есенина люблю с детства, любую строчку из его стихотворения могу продолжить наизусть и еще сказать, в каком году оно написано*. Вследствие

этого, на наш взгляд, на характер оценки книги о Есенине большое внимание оказало, во-первых, личное отношение Прилепина к поэту, во-вторых, его филологическое образование и исследование творчества поэта с литературоведческой точки зрения, в-третьих, литературная ситуация, в рамках которой книга о Есенине была написана. Авторы книги про Есенина, Олеге Лекманове и Михаиле Свердлове, Прилепин называет: *есениноведы, полк ревнителей есенинской насильственной смерти*. В данном случае Прилепину с помощью окказионализма *есениноведы* и метафоры *полк ревнителей* удастся воздействовать на эмоциональное состояние читателей и сформировать у них нужное ему представление об авторах оцениваемого произведения. Однако параллельно с отрицательной оценкой, Прилепин вводит и положительную: *Лекманов и Свердлов говорят с замечательным тактом, авторы совершенно резонно подмечают*. Особенность оценки в критических статьях Захара Прилепина заключается в её рациональном характере – транслируя свое отношение к оцениваемому объекту, Прилепин стремится воздействовать на разум человека, а не на эмоции, о чем свидетельствует широкая система аргументации в тексте. Существование в одной статье различных оценок относительно одного объекта, на наш взгляд, определяет ключевую роль при детализации оценки, так как уточняя оценочное содержание, Захар Прилепин стремится к раскрытию объекта с разных сторон.

Помимо оценивания литературного произведения и его автора, Прилепин также в своих рецензиях выражает идеологическую оценку, через которую транслирует свои политические, экономические ценностные установки: *крикливые чистоплюи и вялые эстеты, якобы демократическая политика была фарсовой изначально, сумма pr-технологий, замешанная на тупом коварстве и натуральной подлости* («Лимонка в тюрьму», 2012) *«либеральные», преисполненные желчи и мстительности* («Срослось. Опять распалось», 2009), а также культурные, социальные взгляды: *в наши дни глотки иные жены друг*

другу перегрызли бы, решая наследственные дела. Вместе с бесчеловечным временем ушла куда-то и человечность? («Я буду жить до старости, до славы...»», 2012), Разве вы не знаете, что от налогов рождаются дети? Разве вы не в курсе, что налоги берут любые крепости и приращивают новые земли? Разве вам не сказали, что налоги приносят людям свободу? («Давайте объяснимся. Пара слов о лени», 2009). В данном случае отрицательное отношение Прилепина к тем явлениям окружающей действительности, которые он анализирует, выражается за счет использования эпитетов: *крикливые, вялые, тупом, натуральном*, метафор: *сумма pr-технологий*. Интенсификация воздействия на читателя осуществляется на синтаксическом уровне за счет анафоры: *Разве вы не знаете? Разве вы не в курсе? Разве вам не сказали?*, на лексическом уровне при помощи слов, в стилистическом значении которых отчетливо присутствует эмоционально-оценочный компонент: *чистоплюи, эстеты, коварство, подлость, желчь, мстительность*. Также Захар Прилепин фиксирует свои ценностные установки за счет ироничных высказываний: *Он (Бог) расплатится и прижмет нас к груди. Так и будет («Давайте объяснимся. Пара слов о лени», 2009), стилистической игры: он, даром что белобрыс и наскрозь русак, напужался («Соппротивление не бесполезно», 2012), фразеологизмов: По гамбургскому счету вышеназванные («Соппротивление не бесполезно», 2012) и дисфемизмов: кремешную чепуху, премия погибла («Бураттини. Фашизм прошел», 2011).*

Ирония как способ трансляции оценочного суждения примечательна тем, что в статьях Захара Прилепина она предстает в виде ложноотрицательной и ложноположительной оценки: *пред нами исчадия рода человеческого, отвратительные упыри, мы невиданные цветки, которые нужно держать в ладнях и ласково дуть им в темя («Давайте объяснимся. Пара слов о лени», 2009).* Ирония, которую использует автор при трансляции оценочного суждения, на наш взгляд, является определяющей чертой прилепинской публицистики,

так как за счет переносного значения оценки Захара Прилепина достигают большей экспрессивности.

Особенность дисфемизмов как речевого приема для выражения оценки заключается в том, что дисфемизмы используются для замены стилистически нейтрального слова грубым или эмоциональным¹²¹. Так, например, *чепуха*, *погибла* и другие отрицательно-оценочные слова в ситуации нейтральной или не соответствующей данной ей номинации оказывают воздействующий эффект, который также может подкрепляться контекстом.

Детализация оценки реализуется также на уровне пересказа анализируемого произведения в литературно-критической статье. Оценивая литературное произведение, Захар Прилепин чередует пересказ со своими комментариями: *Людмила Евгеньевна много и с заметной брезгливостью говорит о мерзостях советской власти, Письма Людмилы Евгеньевны пестрят упоминаниями «Архипелага ГУЛАГа», КПСС, КГБ, Лучшие еще раз атаковать мельницу бездарного советского прошлого* («Место действия: прошлое», 2009). В данном случае, уточнение авторской оценочной позиции содержится в пересказе – Захар Прилепин последовательно рассказывает о содержании писем Людмилы Улицкой Михаилу Ходорковскому, используя при этом различные речевые приемы для выражения оценки: отрицательно-оценочные *брезгливостью*, *пестрят* и инвективные номинации: *мерзость*, метафоры: *мельницу советского прошлого*.

На наш взгляд, именно синтез различных типов высказывания, нескольких уровней оценивания в рамках одного произведения и определяет эффективность репрезентуемых ценностных установок, так как Захар Прилепин стремится не только и не столько к рецензированию, сколько к глубинному анализу

¹²¹ Арапова Н. С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.1990.

произведения, соотнесенному и с литературной, и общественной жизнью, с индивидуальностью автора.

На этих же уровнях активно «работают» лексемы с положительной коннотацией. Оценивая личность автора, Захар Прилепин использует относительные оценки, характеризующие оцениваемый объект с разных сторон и формирующие полноценный образ героя.

Например, в статье «Воспоминание о чуде», 2008, Прилепин начинает свою рецензию с оценки личности автора: *Проханов стал, что греха таить, звездой: такой лохматой, грузной, с пышной гривой, обдающей то холодом, то жаром, Он заслужил этот жирный, отекающий маслом, громокипящий кусок славы: бесконечные интервью, обожание прессы, многочисленные переиздания <...>*. В данном случае Прилепин создает положительный образ Проханова-писателя, используя экспрессивную лексику (*звезда, обожание, бесконечные*), метафоры (*громокипящий кусок славы*). Прилепин интенсифицирует оценку за счет фразеологизма (*чего греха таить*), синонимичного ряда (*бесконечные интервью, обожание прессы, многочисленные переиздания*), детализация внешнего облика реализуется при помощи яркого образа (*пышной гривой, обдающей то холодом, то жаром*).

В статье «Хочу быть бедным», рассуждая о личности автора – Льва Пирогова, Захар Прилепин использует противопоставления, за счет которых интенсифицирует транслируемую оценку: *неприятный человек, насупленный тип – фигура!* Использование эпитетов с очевидной отрицательной коннотацией, их опровержение односложным восклицательным предложением усиливает экспрессивность оценки, предлагаемой в тексте Захаром Прилепиным.

Особый интерес представляет оценка литературного творчества автора-женщины. На наш взгляд, особенность оценивания в данном случае зависит от той ценностной системы, которую Прилепин тщательно выстраивает в своих публицистических текстах. Захар Прилепин – сторонник традиционных

ценностей, в числе которых патриархальная семья, уважение к женщине как объекту любви и матери детей. И в рамках этой ценностной парадигмы и выстраивается логика оценивания автора в статье «Хэмингуэй», 2010. Основное оценочное содержание Захар Прилепин выразил в диалоге: – *Максим Чертанов – это баба? – Женщина, – ответили мне. (Хэмингуэй, 2010).* Стереотипизированная отрицательная коннотация просторечия *баба* в данном случае не несет отрицательной семантики, а скорее призвана показать разницу между мужским и женским литературным творчеством, которое Прилепину как филологу и писателю кажется принципиальным. Это подтверждается и в конце рецензии, когда Захар Прилепин резюмирует произведение Чертановой обобщением и прямым обращением: *Никого никуда не вывели. Знаете, как женщины говорят в обиде: «Знаешь, кто ты такой? Я-то знаю! Хочешь, я тебе скажу, какой ты?». Скажи, моя родная. И прости, что я тебя обидел. Я сам знаю, какой я, – даже лучше, чем ты.* Таким образом, в данном случае для Прилепина было важно подчеркнуть, что автором произведения является женщина, но не для осуждения и негативного оценивания писателя, а для достижения большей эффективности при репрезентации оценки произведения за счет имитации диалога, интимизации общения при помощи личных местоимений, вопросительных конструкций и обращений.

Особенность интимизации диалога находит свое отражение не только при оценивании фигуры автора, но и при анализе литературного произведения. В статье «Воспоминание о чуде», 2009, Прилепин детализирует оценку произведений Проханова за счет открытого выражения своих внутренних ощущений, чувств: *Я все так же слежу за выходом каждой новой его книжки, все так же, не дожидаясь, пока новый роман доедет до моего города, заказываю, чтоб мне его доставили срочной почтой. И, едва приходит посылка, как тогда, в юности, я рву упаковку, чтоб скорей увидеть, что там за книжка – как выглядит, какие первые слова в романе. И уже предвкушаю, как отправлюсь*

с новым крепким томиком в свою черноземную, возле чистой реки деревню, и мое счастье читателя и ученика вновь повторится.

Интимизация как речевой прием реализуется за счет провоцируемого Прилепиным диалога с читателем: автор откровенно рассказывает о том, что он думает, по каким поводам переживает, о чем мечтает, что читает. Оценка репрезентуется за счет однородных членов предложений: *слежу, заказываю, рву, предвкушаю*, сравнений: *как в юности*, экспрессивной лексики с положительной коннотацией: *счастье, чистой*.

Автор интенсифицирует положительную оценку произведения Прохорова за счет подробной трансляции своих внутренних ощущений: *Я помню запах страниц, помню вес каждой книги в моей ладони, помню шрифты и обложки*, и точных сравнений: *так всю жизнь помнятся навек очаровавшие тебя минуты детства, или минуты товарищества, или минуты любви*.

Переживания Прилепина от прочитанной книги оказываются такими же сильными, как от любви, дружбы или детства. Упоминание именно этих явлений в контексте литературы опять-таки является принципиальным для понимания системы ценностей, транслируемой Захаром Прилепиным. И так как в данном случае интимизация позволяет автору реализовать комплекс задач, направленных на формирование представлений, мнений у читателя, провоцирующих эмоциональные состояния, схожие с авторскими, понимание специфики транслируемых оценок при репрезентации ценностных установок представляется особенно важным.

К этому же речевому приему прибегает Захар Прилепин в рецензии творчества Максима Чертанова (Хэмингуэй, 2010): *Возле моего дивана обычно лежат штук десять разнообразных книжиц и томиков, но тут все девять так и остались пылиться, дожидаясь, пока я проглочу расчудесную чертановскую работу*. Прилепин включает в рассуждение читателя, рассказывая ему о своей

жизни и выражая оценку эпитетами *расчудесный, разнообразных*, детализирует оценку, используя численные показатели – рецензируемая книга *1 из 10*.

Третий тип высказывания после оценки автора и литературного произведения – это, как мы говорили ранее, детализация оценки при репрезентации идеологических позиций Прилепина. При выражении положительной оценки публицист также использует широкий арсенал речевых средств и приемов репрезентации оценочного суждения: разделения аудитории на «своих» и «чужих» за счет местоимений, использования интенции убеждения при помощи нерушимой логики в предложении *нашу страну может спасти только некое братское сверхусилие – с любой поставленной народом пред собою задачей, лучше даже нереальной* («Публицист и К», 2011); идеологически окрашенная лексика *партийцы, война, герой*, в которой выражается привычное массовой аудитории понимание того, что такое добро и зло: *в поддержке нуждается любой гражданин, несправедливо преследуемый за аргументированную личную позицию* («Русские вопреки Путину», 2012), многочисленные повторы, метафоры: *Партийцы шли на акции как на войну, партийцы ездили на войну как на политическую акцию, партийцы на своей шкуре познавали, что такое жизнь героя в те дни, когда само понятие «героизм», как и все остальные высокие понятия, стало предметом стеба и ухмылок* («Лимонка в тюрьму», 2012).

Захар Прилепин создает литературно-критические статьи, структуру которых определяет нерушимая логика, а лексическую форму – авторское намерение оказать воздействие на эмоциональное состояние адресата.

Данное авторское намерение реализуется и в морфологических характеристиках речевой формы текстов. Мы можем выделить на этом уровне ряд излюбленных Захаром Прилепиным речевых средств. Особую роль в тексте играют глагольные формы. К грамматическим единицам, обладающим воздействующей интенцией, относят формы совершенного и несовершенного вида, категорию залога глаголов. О. С. Иссерс отмечает, что «формы

несовершенного вида нередко акцентируют внимание на попытках, не увенчавшихся результатом, а иногда и совершенно безнадежных»¹²², в то время как совершенный вид, показывая законченность действия, может концентрировать внимание аудитории на каком-либо законченном процессе, подчеркнуть его эффективность, результативность.

Категория времени обладает большим воздействующим потенциалом: использование прошедшего, будущего или настоящего времени может выразить авторскую оценку и нести необходимый для субъекта речи смысл. Так, Захар Прилепин часто прибегает к глаголам определенного времени и видовых характеристик: *недоброжелатели любят чуть что говорить, я тоже считаю, здесь никто ничего давно не боится, как нынче выражаются, Кавказ, на мой взгляд, кормить надо, ые эстеты сетовали на флаг с раздражающим серпом, реальные люди сидели за реальной решеткой, свободомыслящие граждане смотрят с наивным и восторженным видом* и т. д.

В каждом из приведенных примеров из разных литературно-критических статей Прилепина используются глаголы несовершенного вида, прошедшего или настоящего времени. На наш взгляд, использование такой формы определяется характером высказывания – функциональным типом речи (рассуждением). Данная глагольная форма позволяет демонстрировать длительность какого-либо процесса, свидетельствует о повторяющихся явлениях.

Иной смысл несут глагольные формы совершенного вида: *мне выпала честь написать, он ничего по этому поводу не написал, мы, по сути, проглядели целое писательское поколение, надо признаться, попробуйте на себе*.

В данном случае автор использует совершенный вид глагола, который позволяет ему подчеркнуть завершенность того или иного действия, и передать этим соответствующий смысл или настроение. Совершенный вид демонстрирует

¹²² Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М. 2013. С. 240.

свершившийся результат, оконченное действие, изменить которое уже невозможно, он позволяет автору говорить о результатах того, что произошло и анализировать это.

Для персонализации адресата Захар Прилепин намеренно использует в литературно-критических статьях глаголы в форме 2 лица: *Хочешь – читай, хочешь – не читай; хочешь писать – пиши, хочешь заступаться – заступайся; сказать ты можешь вполне; просто их нисколько не волнует, что ты скажешь*. Второе лицо глагольной формы позволяет Прилепину выражать оценочное суждение персонифицировано – каждому читателю в отдельности, установка на детализацию выражается в обращении «ты», скрытом в глаголе.

Для уточнения оценки Захар Прилепин использует также пассивные формы залога *Мир, описанный в этой книге, движим женщиной, будут агрессивно оспариваться поборниками толерантности и свободы выбора* и активные: *поднимаем руку и просим слова*. Они, на наш взгляд, позволяют Прилепину выделить главного участника действия, сконцентрировать внимание читателя на том, что кажется принципиально важным автору литературно-критической статьи.

Также, говоря о воздействующем потенциале морфологических единиц, многие исследователи выделяют такое явление как переход относительных прилагательных в качественные. Перенос свойств одного предмета на другого может обладать сильной воздействующей интенцией, так как после перехода слово стало носить оценочное суждение, выражать авторскую позицию.

Например, в литературно-критической статье «Я буду жить до старости, до славы», 2012 Захар Прилепин начинает свою рецензию с оценочного суждения: *Такая больная тоска от этой книги. Такое болезненное приобщение к чужой судьбе – верней сказать, сразу к нескольким судьбам*. Однокоренные прилагательные *больная* и *болезненное* направлены на усиление оценочного суждения – Захар Прилепин связывает прочтение книги с болью, а использование

этих слов в начале рецензии определяет не только тональность рассуждения, но и читательское восприятие текста.

Особый интерес представляет переход относительных прилагательных в качественные в метафорических высказываниях: *Корнилов – поэт того же природного, корневого, духовитого, густопочвенного сплава*. Захар Прилепин, рассуждая о характере Бориса Крылова, использует прилагательные *природный, густопочвенный, корневой*, так как именно они позволяют ему детализировать «крестьянские» черты Крылова и как поэта, и как личности, его связь с родной землей, с природой.

Не игнорирует З. Прилепин и синтаксические средства детализации оценочного суждения. Довольно часто он передает смысловую структуру текста в форме диалога.

В статье «Марш, марш правой!» Захар Прилепин строит пересказ за счет имитации диалога с автором оцениваемого произведения – Германом Садулаевым. Прилепин использует риторические выражения (*а кто тебе право дал, недобитая чеченская сволочь, повышать голос на моих русских братьев? Может, ты это делаешь потому, что кому-то удалось обналичить кэши, а тебе, леваку и маргиналу, нет?*), а также вопросно-ответные конструкции (*Отчего бы ему не высказаться? Приходится слушать*), основная цель которых заключается в включении в диалог читателей – эту установку Прилепин декларирует прямо (*Что вы по этому поводу думаете, господа?*). Риторические конструкции, с одной стороны, со всей определенностью транслируют отношение автора к оцениваемому произведению, а с другой – риторические конструкции позволяют автору направлять читателя и предвосхищать, возможно, и не совсем его, мысли – вводить информацию имплицитно. Усиливается этот эффект за счет многочисленных риторических высказываний – в статье «Марш, марш правой!» Захар Прилепин использует их 13 раз. «Риторический» пересказ, основанный на диалоге критика, автора и читателей можно назвать одним из традиционных для

литературной критики Захара Прилепина, его мы встречаем также в статьях: «Такой президент нам не нужен», 2005, «Андрей Балканский. Ким Ир Сен», 2011, «Хэмингуэй», 2010 и др.

Помимо перечисленных приемов, при пересказе Прилепин также обращается к форме комментирования: литературно-критическая статья включает в себя несколько отрывков из оцениваемого произведения: *«Армию ненавидят за то, что ненавидят деревню и деревенчиков <...> за несовместимость с той картиной мира, на которой основывается ее идентичность. Действительно, где еще читатель Пелевина встретится с немодным, неактуальным и грубо чувствующим “народом” в таких тошнотворных количествах?»*, и комментарии Прилепина: *«Это, наверное, важно и даже полезно. Вокруг так много приятных во всех отношениях людей, что... Ясно, что. Такой способ пересказа оказывается эффективным при трансляции оценочного суждения, так как, во-первых, ценностное суждение детализируется на уровне выбора отрывка для цитирования, во-вторых, за счет использования воздействующих приемов при комментировании: недосказанности (что...), иронии (приятных во всех отношениях), усилительных частиц (даже).*

Воздействие на синтаксическом уровне реализуется также при помощи анафоры:

Нацболы были первыми, кто поднял голос против непродуманной и зачастую русофобской политики на Украине <...> Нацболы были первыми, кто восстал против монетизации льгот <...> Нацболы первыми вывесили посреди Москвы огромный плакат «Путин, уйди сам!» («Лимонка в тюрьму», 2012).

Единое начало, повторяющиеся слова позволяют автору акцентировать, заострить внимание на принципиально важном для него.

С другой целью Захар Прилепин использует анафору в статье «Давайте объяснимся. Пара слов о лени», 2009: *«Разве вы не знаете, что от налогов*

рождаются дети? Разве вы не в курсе, что налоги берут любые крепости и приращивают новые земли? Разве вам не сказали, что налоги приносят людям свободу?

В данном случае одинаковое начало является составляющим компонентом диалогизации текста и выступает необходимым речевым приемом для интенсификации репрезентуемых оценок за счет включения в процесс повествования читателей.

Говоря о воздействующем потенциале синтаксического уровня языка, необходимо отметить темо-рематическую структуру фразы, инверсию и парцелляцию. В первом и во втором случае мы имеем дело с порядком слов в предложении. *Человек в нас совсем истончился. Почти нет его, непонятно, в чем душа держится, и где она, и как с ней быть* («Срослось. Опять распалось», 2009), *Мужчина никакой не центр женского мироздания – как зачастую кажется самим мужчинам. В лучшем случае это нелишний атрибут* («Ночи нет. Заметки о женской прозе», 2012). То, что автор выдвигает на первый план, по его задумке, должно в большей степени быть воспринято аудиторией, субъект речи намеренно выделяет что-либо для актуализации внимания и реализации своей коммуникативной задачи. В первом примере особенность темо-рематического строения заключается в том, что сначала Прилепин называет объект – «человек», а в следующем предложении использует только местоимения, которые направлены на усиление смысла потерянности и неизвестности. В следующем примере из статьи «Ночи нет. Заметки о женской прозе» в реме автор уточняет значение слова «мужчина», указанного в первом предложении. В результате, темо-рематическая структура предложения становится важным синтаксическим приемом, направленным на детализацию оценочного суждения.

Таким же образом действует намеренное нарушение порядка слов при инверсии. *Смотрите, уверенно повторял я, «Не дается в руки новое время, не дается!» – вроде горевал, но тайно радовался я* («Срослось. Опять распалось»,

2009). Строй предложения не может быть свободным, каждое слово занимает то место, которое, по мнению автора, наилучшим образом отражает его идею. Захар Прилепин нарушает традиционный строй предложения и ставит подлежащее «я» в конец высказывания для того, чтобы подчеркнуть авторство транслируемой точки зрения, её принадлежность самому Прилепину. Особую роль играет инверсия и при создании тональности текста. Так, в статье «По классике», 2011: *Национальный поэт России, книг о нем написаны сотни, а вот, поди ж ты, ясности для многих так и нет никакой* Захар Прилепин меняет порядок слов и использует в предложении разговорные элементы *поди ж ты* для того, чтобы сделать рассуждение в тексте живым, динамичным, похожим на живую речь. Этот речевой прием добавляет в высказывание экспрессию и облегчает восприятие.

Особое место в системе речевых приемов на синтаксическом уровне занимает парцелляция. Под ней мы понимаем такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно – смысловых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы¹²³. Парцелляция в литературно-критических статьях позволяет Прилепину раскрывать смысл: *Сказать ты можешь вполне. О себе, о Родине, о будущем, о власти... О чем угодно.* («Теперь мы будем жить отдельно», 2012), усиливать отрицательную коннотацию *Могут. По крайней мере, с недавнего времени. Ночи нет. Нет.* («Ночи нет. Заметки о женской прозе», 2012), или уточнять значение высказывания: *Такая вот история. Вернее сказать, и такая тоже* («Публицист и К», 2011).

Парцелляция как речевой прием обладает ярко выраженной воздействующей направленностью:

¹²³ Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.1999. С. 318.

Так где ж они были, эти мастера слова? в России? за ее пределами? или их вообще почти не было? («Русский язык без почвы не жилец», 2009).

В приведенном фрагменте из статьи «Русский язык без почвы не жилец» Захар Прилепин, во-первых, использует побудительную интонацию, направленную на включение в диалог читателя, которая выражена в вопросительных риторических конструкциях и частице «ж», имитирующую разговорную речь, а, во-вторых, парцелированная конструкция лишает читателя возможности ответить, так как Прилепин за счет перечисления подводит аудиторию к ответу – *их вообще почти не было*.

Таким образом, приемы речевого воздействия на синтаксическом уровне очень часто используются в публицистических текстах, так как позволяют автору расставлять смысловые акценты в тексте, делать мысль более экспрессивной и яркой.

В литературно-критических статьях Захар Прилепин использует классическую логическую форму изложения мысли, которая оживляется им с помощью оригинальной системы речевых приемов и средств.

Детализация оценки, направленная на уточнение авторских ценностных установок, находит свое выражение на уровне рецензирования образа автора литературного произведения, самого литературного произведения и тех общественно-значимых актуальных проблем, которые в нем представлены.

Принципиальное отличие коммуникативной установки Прилепина-критика, на наш взгляд, заключается в ее программной диалогичности и в системном использовании воздействующих приемов. Он, как нам представляется, намеренно использует те инструменты речи, которые обеспечивают единство с читателем сразу на нескольких уровнях: интеллектуальном, эмоциональном, ментальном. Широкий арсенал речевых средств и приемов определяет живую, эмоциональную манеру Прилепина, которая дает возможность актуализировать проблемы, провоцирующие

общественный резонанс, необходимый для формирования новых аксиологических смыслов. В этом, на наш взгляд, проявляется творческая индивидуальность Прилепина-критика.

В рамках данной главы мы определили, что репрезентация ценностных представлений в текстах литературно-критической статьи Захара Прилепина реализуется по двум направлениям: во-первых, это создание аксиологических цепочек, транслирующих ценностные суждения, и, во-вторых, это использование широкой системы речевых средств, направленных на трансляцию и детализацию оценочного суждения в тексте.

Особенность построения антиномичных цепочек в литературно-критической статье заключается в осмыслении объектов рецензирования, в их противопоставлении с другими объектами. В результате такого противопоставления Захар Прилепин на основании своих ценностных установок формирует дихотомию ценность и антиценность. Подобная дихотомия соответствует классическому философскому пониманию ценности как добро, благо, которому противопоставлено зло, что позволяет нам говорить об аксиологическом содержании литературно-критических статей Захара Прилепина.

Построение антиномичных цепочек находится в неразрывной связи с личностью автора, так как отобранные для противопоставления и анализа объекты определяются, во-первых, актуальной общественной проблематикой, которая важна для Прилепина как журналиста и публициста, во-вторых, литературной ситуацией, в которой Захар Прилепин принимает активное участие как писатель, и, в-третьих, литературоведческой основой, интересующей Прилепина-филолога.

Эффективность транслируемых через антиномические цепочки аксиологических представлений зависит от разделения рецензируемых объектов на главные и второстепенные. Последовательное противопоставление отдельных

признаков и черт второстепенных явлений и событий позволило Захару Прилепину создавать контраст не на основании прямого значения оцениваемого объекта, а за счет того смысла, который он сам в него вложил. Также мы определили, что интенсификация воздействия на читателя при репрезентации ценностных представлений осуществляется за счет разделения аудитории на «своих» и «чужих», приемов интимизации, а также четкой системы аргументации, включающей в себя прецедентные тексты, чужую речь и апелляцию к литературоведческим знаниями.

Анализ литературно-критических эссе и сформированных в них аксиологических цепочек позволил нам определить некоторые ценностные установки, которые репрезентует Захар Прилепин через свои произведения. Аксиосфера литературно-критических статей Прилепина включает в себя: патриотизм, свободу, честь, правду, ценность русского языка, семью, трудолюбие, любовь. Каждая из этих ценностных установок нашла свое выражение в антиномических цепочках, формируемых Прилепиным при анализе современного литературного творчества.

Результативность репрезентации ценностных представлений через аксиологические цепочки определяется также точностью выражения авторской оценочной позиции. В рамках данной главы мы определили, что для детализации транслируемых оценок Захар Прилепин использует широкий арсенал речевых средств и приемов воздействия, которые находят свое выражение на всех уровнях языка: лексическом, морфологическом и синтаксическом. На лексическом уровне Захар Прилепин использует слова, в стилистическом значении которых присутствует эмоционально-оценочный компонент, запросто автор формирует свое отношение за счет дисфемизмов, инвективной, просторечной и бранной лексики. На морфологическом уровне оценка детализируется при помощи глаголов совершенного и несовершенного вида, залоговых форм глагола, категории времени, а также перехода относительных прилагательных в

качественные. Синтаксические средства детализации оценочного суждения включают в себя риторические высказывания, анафору, темо-рематическое строение предложения, инверсию и парцелляцию.

Результативность многообразия речевых средств и приемов, направленных на детализацию оценочного суждения, определяется спецификой рецензирования текста. В литературно-критических статьях Захара Прилепина анализ строится по трем составляющим: оценка образа автора, оценка литературного произведения и анализ общественно-политической ситуации, связанной с ним. Таким образом, формирование новых аксиологических смыслов или консервация традиционных в рецензиях Захара Прилепина зависит от творческой индивидуальности автора, от уровня его речевой компетентности, а также от степени погруженности в реальную жизнь и в литературную ситуацию.

Заключение

При исследовании современной литературной критики наше внимание было сосредоточено на речевых особенностях репрезентации ценностных представлений в медиатекстах, созданных профессионалом речи.

Опираясь на работы исследователей аксиологии журналистики (С. Г. Корконосенко, В. А. Сидорова и др.), мы определили, что к особенностям современного медийного арт-дискурса, жанра литературно-критической статьи относится ориентированность не только на анализ и интерпретацию актуальных проблем окружающей действительности, но и нацеленность на формирование аксиологических представлений массовой аудитории.

Современная аксиологическая теория, базирующаяся на философских работах М. С. Кагана, В. К. Шохина, А. А. Ивина и других, позволила нам выявить центральную категорию данного направления – ценность. Под ценностью мы понимали понятийную философскую реалию, которая означает глубинные составляющие структуры личности: её переживания, устремления и достояния. Мы выяснили, что определяющими характеристиками ценности являются соотнесенность их со стоимостью и процессом оценивания, а также взаимосвязь с интенциональностью индивида и объективной реальностью.

Процесс оценивания является центральной категорией взаимоотношений субъекта и объекта. Анализ современных исследований, посвященных лингвистической категории оценочности (труды Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, В. И. Козырева и др.), позволил нам определить, что центральной текстовой категорией в медийном арт-дискурсе является категория оценочности. Под оценочностью в рамках данного исследования мы понимаем свойство речевой единицы, способной эксплицировать авторское отношение к объекту, а также выражать положительные и отрицательные свойства самого объекта. Анализ

современных филологических исследований, посвященных оценочным фрагментам текста, авторами которых являются В. Н. Крылов, Ю. А. Говорухина, Т. М. Колядич и другие, позволил выявить ключевой жанр, формирующий данный сегмент журналистского арт-дискурса – жанр литературно-критической статьи.

Мы определили, что литературная критика является уникальной формой коммуникации автора с аудиторией, в процессе которой на основе интерпретации и оценки медиатекстов оказывается влияние на восприятие медийного содержания публикой, а также в целом на представления массовой аудитории о материальном и духовном мире. Такое понимание журналистской критики определило наш интерес к специфике формирования новых аксиологических смыслов или консервации старых за счет особенностей речевой репрезентации.

С нашей точки зрения, эффективность репрезентации ценностных представлений определяется тремя важными характеристиками. В первую очередь, в процессе оценки автор интерпретирует не только произведение, но и действительность, воплощенную в нем. В процессе интерпретации неизбежно репрезентуются ценностные установки автора – это своеобразная интерпретационная база. Во-вторых, процесс интерпретации неразрывно связан с эпохальными, социально-историческими характеристиками контекста – предлагаемые, транслируемые оценки находятся в неразрывной связи с современностью, а в типе оценки, ее мотивации и аргументации выражается «сама жизнь». В-третьих, эффективность процесса оценивания, выражающаяся в читательской реакции, связана с личностью рецензента. В. Г. Белинский писал о том, что для оценивания окружающей действительности необходимо претендовать не только на внутрилитературный авторитет, но и на более широкий – общественный.

Феноменальность прилепинской публицистики заключается в том, что по характеристикам литературно-критические статьи Захара Прилепина

соответствуют сразу двум типам критики: писательской, созданной мастером слова, филологом, и читательской, ориентированной на широкую аудиторию, посвященной актуальной общественной проблематике. Прилепин пишет не только о литературе, но и о жизненно важных вопросах. Такой подход является сугубо ценностным, так как связан, с одной стороны, с интенциональностью индивида, а с другой – с объективной реальностью.

Для того, чтобы подтвердить гипотезу, мы проанализировали 160 статей Захара Прилепина, написанных и опубликованных с 2009 по 2016 год, и определили уникальный авторский алгоритм текстопорождения, который определяет феноменальность речевой формы литературно-критических произведений Захара Прилепина.

На наш взгляд, презентация оценки в текстах Захара Прилепина осуществляется на нескольких уровнях. Первый – отбор объектов оценивания. Мы определили, что ключевым моментом при предъявлении массовому читателю определенной системы ценностей через цепочку оцениваемых или имеющих ценностное содержание объектов становится авторская индивидуальность. Захар Прилепин отбирает объекты для оценивания как журналист и аналитик, как писатель и профессионал речи, а также как филолог. Филологическое образование определяет не только включенность Прилепина в современный литературный процесс, но и возможность выстраивать систему аргументации на основании историко-литературных знаний. Анализ работ Захара Прилепина на уровне отбора объектов рецензирования позволил нам определить аксиосферу, формируемую автором в литературно-критических статьях. В неё вошли такие константы как: *русский язык, патриотизм, семья, история, труд, честность*.

Второй уровень репрезентации оценки – концептуализация ключевых номинаций объектов рецензирования. Особенность номинации объектов

рецензирования заключается в использовании слов, в стилистическом значении которых отчетливо выражен эмоционально-оценочный компонент.

Третий этап аксиологической репрезентации объекта рецензирования заключается в создании антиномий – дуальной системы ценностей и антиценностей. В процессе оценивания Захар Прилепин использует языковые контрасты, которые становятся основанием для диалога. В результате, мы определили, что антиномия в тексте литературно-критической статьи обеспечивает эффективность транслируемых ценностных установок за счет включения в повествование читателя при помощи приемов диалогичности и интимизации.

Заключительный этап, определяющий успех Прилепина-критика – это этап отбора средств для уточнения авторской оценочной позиции. Мы выявили, что репрезентация оценки реализуется на уровне анализа автора литературного произведения, самого текста и актуализированной в нем проблематики. Для детализации оценочного суждения Захар Прилепин использует широкую систему речевых средств и приемов, направленных на репрезентацию ценностных смыслов в медиатекстах. В результате систематизации арсенала речевых средств мы определили, что они находят свое выражение на нескольких языковых уровнях: лексическом, морфологическом и синтаксическом. Системный анализ используемых Прилепиным речевых средств позволяет говорить о том, что автор отбирает речевые средства не только для уточнения своей оценочной позиции, но и для интенсификации воздействия на читателя. Особенность коммуникативной манеры Захара Прилепина, определяющая эффективность его публицистики, заключается в провоцировании эмоциональных читательских состояний, схожих с авторскими.

Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что через постижение специфики созданного и многократно апробированного Захаром Прилепиным алгоритма текстопорождения, в результате которого

интерпретация литературной ситуации соединяется с интерпретацией жизни, мы определили актуальную и эффективную технологию репрезентации ценностных представлений, созданную профессионалом речи. Наши выводы и наблюдения могут быть использованы при создании учебно-методических рекомендаций для студентов и современных журналистов, участвующих в формировании медийного арт-дискурса.

Список использованной литературы

Исследования

1. Арапова Н. С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 590.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 341.
3. Бейненсон В. А. Современная медиакритика: проблема взаимосвязи теории и практики // Вестн. Ниж. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2014. Вып. 2. С. 418-421.
4. Борев Ю. Б. Эстетика: учебное пособие. М., 1988. С. 496.
5. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2007. С. 247.
6. Бочаров А.Г. Вопросы литературы и искусства в газете. М., 1979. С. 44.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009. С. 280.
8. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб, 1996. С. 152.
9. Гаранина Э. Ю. Оценочность в жанре кинорецензии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №2. С. 28-31.
10. Говорухина Ю. А. Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков. Монография. Красноярск, 2012. С. 359.
11. Дускаева Л. Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе // Вестник Пермского университета. №4/2014. С. 206-213.
12. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб. 2012. С. 274.
13. Ершов Ю. М. Методы познавательной деятельности публициста и жанры публицистики: диалектика взаимодействия. Автореферат дис. на соис. уч. степени канд. филол. наук. М., 1987. С. 32.

14. Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981. С. 111.
15. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики. Назрань, 2001. С. 197.
16. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. СПб, 2006. С. 440.
17. Ивин А. А. Аксиология: учебник для академического бакалавриата. М., 2018. С. 389.
18. Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
19. История русской литературной критики. Под ред. В. В. Прозорова. М., 2002. С. 463.
20. Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб, 1997. С. 205.
21. Карамова А. А. Категория оценки в современном русском языке. Уфа, 2003. С. 150.
22. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М., 2001. С.287.
23. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований. Сборник статей / Ред. В. В.Красных, А. И. Изотов. М., 1997. С. 229.
24. Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. М., 2016. С. 240.
25. Крылова О. А. Современные проблемы филологии. Учебное пособие. М., 2008. С. 243.
26. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. М., 2012. С. 320.
27. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиаполитического текста. Москва, 2013. С. 272.
28. Набиева Е. А. Рецензия как публицистический жанр. М., 2016. С. 159.
29. Назаров В. Н. Прикладная этика: Учебник. М., 2005. С. 302.
30. Николаева Л. С., Чумакова Т. Н. Сущность и основные характеристики понятий «ценность» и «ценностные ориентации»: теория вопроса //

- Вестник Донского государственного аграрного университета. 2014, №4. С. 68-78.
31. Ницше Ф. Генеалогия морали. М., 2011. С. 224.
 32. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., Т.1. 2010. С. 744.
 33. Орлова Н. В. Театральная рецензия как жанр публицистического и медийного дискурса// Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 204-213.
 34. Павлушкина Н. А. Релевантность массового периодического издания: роль информационного дискурса // Медиаскоп. №4. М., 2013.
 35. Перхин В. В. «Открывать красоты и недостатки...». Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век. СПб, 2001. С. 256.
 36. Почкай Е. П. Образ автора в публицистическом тексте. Автореферат дис. на соис. уч. ст. к. филол. наук. Ленинград. 1986. С. 39.
 37. Пучкова Е. В. Функционирование прецедентных феноменов в газетных заголовках// Ученые заметки ТОГУ. Том 4. № 4. 2013. С. 218-237.
 38. Розанов В. В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 576-594.
 39. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.1999. С. 318.
 40. Серебренников Б. А. Языковая номинация. М., 1977. С. 358.
 41. Сидоров В. А. Аксиология журналистики: учебное пособие. СПб, 2014. С. 300.
 42. Сидякина А. Художественно-просветительские периодические издания / Журналистика сферы досуга. Уч. пособие. Под общей редакцией Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб, 2012. С.123-131.
 43. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. Монография. М. 2010. С. 136.

44. Солганик Г. Я. Лингвистика речи. Медиасилистика. Монография. М., 2012. С. 528.
45. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж. 2012. С. 180.
46. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М. 1986. С. 247.
47. Трофимова О. В. Публицистический текст: лингвистический анализ. М., 2010. С. 304.
48. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 991.
49. Стилистика и литературное редактирование. В 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата/ под ред. Л. Р. Дускаевой. М., 2016., С. 325.
50. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. 2011. С. 696.
51. Таланова К. С. Ценностное ядро духовно-нравственного кризиса: дефиниции, типологии, система ценностей// Вестн. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. М., 2014. Вып. 3. С. 179-200.
52. Толковый словарь русского языка. // Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М. 1935-1940.
53. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопр. языкознания. 1991. № 6. С. 46-50.
54. Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999. С. 240.
55. Хорошилова С. П. Психологическая природа эффективности речевого воздействия на человека: монография. Новосибирск. 2014. С. 102.
56. Цветова Н. С. Лексическая стилистика. СПб. 2007. С. 79.
57. Цветова Н. С. Современная российская арт-журналистика: интенционально-стилистика характеристика. // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи: монография; под ред. Л. Н. Михеевой. Иваново, 2014. С. 146-157.

58. Шевцова Н. П. Культура как система ценностей. М., 2004. С. 160.
59. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С. 457.
60. Эстрина В. А. Образ автора как лингвостилистическая категория текста. Автореферат дис. на соис. уч. степени канд. филол. наук. Львов. 1980. С. 39.

Источники

61. Прилепин З. Андрей Балканский. Ким Ир Сен// Книгочет. М., 2012. С. 118.
62. Прилепин З. Антологическое// Книгочет. М., 2012. С. 362.
63. Прилепин З. Борис Камов. Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров // Книгочет. М., 2012. С. 182.
64. Прилепин З. Борис Корнилов. «Я буду жить до старости, до славы...» // Книгочет. М., 2012. С. 182.
65. Прилепин З. Василий Голованов. Сопротивление не бесполезно// Книгочет. М., 2012. С. 59.
66. Прилепин З. Воспоминание о чуде// Книгочет. М., 2012. С. 172.
67. Прилепин З. В качестве приложения. Главные лица. Четыре портрета// Книгочет. М., 2012. С. 324.
68. Прилепин З. Герман Садулаев. Марш, марш правой! // Книгочет. М., 2012. С. 84.
69. Прилепин З. Давайте объяснимся. Пара слов о лени// Книгочет. М., 2012. С. 161.
70. Прилепин З. Дети рок-н-ролла// Книгочет. М., 2012. С. 311.
71. Прилепин З. Иные языки// Книгочет. М., 2012. С. 381.
72. Прилепин З. Как я завел это лето// Книгочет. М., 2012. С. 342.
73. Прилепин З. Клинический реализм в поисках идентификации. Заметки об одной литературной группировке// Книгочет. М., 2012. С. 280.

74. Прилепин З. Константин Крылов. Русские вопреки Путину// Книгочет. М., 2012. С. 135.
75. Прилепин З. Критика// Книгочет. М., 2012. С. 275.
76. Прилепин З. Лев Пирогов. Хочу быть бедным// Книгочет. М., 2012. С. 91.
77. Прилепин З. Лимонка в тюрьму: сборник// Книгочет. М., 2012. С. 140.
78. Прилепин З. Лирическое отступление// Книгочет. М., 2012. С. 331.
79. Прилепин З. Максим Чертанов. Хемингуэй // Книгочет. М., 2012. С. 195.
80. Прилепин З. Место действия: прошлое. О письмах Людмилы Улицкой к Михаилу Ходорковскому// Книгочет. М., 2012. С. 151.
81. Прилепин З. Минуточку! // Книгочет. М., 2012. С. 225.
82. Прилепин З. Михаил Елизаров. Бураттини. Фашизм прошел // Книгочет. М., 2012. С. 73.
83. Прилепин З. На посту// Книгочет. М., 2012. С. 389.
84. Прилепин З. Нескончаемая благодать// Книгочет. М., 2012. С. 197.
85. Прилепин З. Ночи нет. Заметки о женской прозе. 14: женская проза «нулевых»// Книгочет. М., 2012. С. 47.
86. Прилепин З. Олег Ермаков. Арифметика войны. Потерянный разум// Книгочет. М., 2012. С. 241.
87. Прилепин З. Олег Лекманов, Михаил Свердлов. Есенин // Книгочет. М., 2012. С. 176.
88. Прилепин З. Ольга Славникова. Легкая голова// Книгочет. М., 2012. С. 183.
89. Прилепин З. Пойду на грозу, покажу ей «козу» Заметки о мужской прозе// Книгочет. М., 2012. С. 33.
90. Прилепин З. Поэтический блиц// Книгочет. М., 2012. С. 350.
91. Прилепин З. Пояснительная// Книгочет. М., 2012. С. 312.
92. Прилепин З. По существу// Книгочет. М., 2012. С. 297.
93. Прилепин З. Публицист и К// Книгочет. М., 2012. С. 58.
94. Прилепин З. Русский язык без почвы не жилец// Книгочет. М., 2012. С. 17.

95. Прилепин З. Саркастическое отступление// Книгочет. М., 2012. С. 155.
96. Прилепин З. Сергей Кара-Мурза. Потерянный разум// Книгочет. М., 2012. С. 123.
97. Прилепин З. Строфы века: Антология русской поэзии. Составитель Евгений Евтушенко// Книгочет. М., 2012. С. 375.
98. Прилепин З. Теперь мы будем жить отдельно// Книгочет. М., 2012. С. 25.
99. Прилепин З. Французский блиц// Книгочет. М., 2012. С. 368.
100. Прилепин З. Эдуард Лимонов. Такой президент нам не нужен! // Книгочет. М., 2012. С. 112.